

СОБОРЫ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

С. О. ШМИДТ

История сословно-представительных учреждений России XVI—XVII вв. или, как их принято называть, земских соборов была одной из любимых тем дореволюционных историков и юристов. «Историография земских соборов разрослась до громадных размеров и не перестает обогащаться новыми изысканиями», — писал С. А. Авалиани, автор специальной историографической работы о земских соборах, вышедшей вторым, дополненным, изданием в 1916 г.¹ Пристальное внимание к истории земских соборов в значительной степени подогревалось политическими интересами, возбуждалось поисками идеалов государственного устройства, надеждами с помощью сословно-представительных учреждений изменить или, напротив, сохранить самодержавный строй. Все это превращало земские соборы в излюбленную тему и политической публицистики различных направлений.

В советские годы история земских соборов меньше привлекала исследователей. И если земским соборам XVII в. было посвящено несколько ценных статей и публикаций, то о земских соборах XVI в. до последних лет вовсе не было напечатано специальных работ. Характеристику земских соборов XVI в. можно было встретить лишь в трудах общего характера как собственно исторических, так и по истории права и государственных учреждений, и в монографических исследованиях, посвященных политической истории XVI в. Из этих работ нельзя не выделить исследования С. В. Бахрушина, А. А. Зиминой, Б. А. Романова, и особенно — выдающегося научного значения труд И. И. Смирнова.

Попытка С. В. Юшкова обобщить представления о земских соборах и их исторической роли не может быть признана удачей этого большого ученого. Никаких новых фактов и документов С. В. Юшков в научный оборот не ввел; конкретное изучение вопроса подменялось не всегда обоснованными общен историческими схемами и аналогиями и недостаточно точно сформулированными положениями².

Первым советским исследованием, специально посвященным сословно-представительным учреждениям XVI в., является статья акад. М. Н. Тихомирова «Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века»³. В статье содержится как общая постановка вопроса о земских соборах XVI в., так и много важных замечаний конкретно-исторического характера, основанных на углубленном изучении и оригинальном толковании источников о ранее известных соборах и открытых автором соборах января 1550 и 1580 г. В статье имеются и ценные наблюдения об источниках, сохранивших сведения о земских соборах XVI в. Работа М. Н. Тихомирова по существу заново возродила интерес к земским соборам и дала толчок к их дальнейшему детальному изучению.

Поньше еще остается немало спорных вопросов, традиционных, но отнюдь не обоснованных, представлений о земских соборах вообще, и собраниях середины XVI в. в частности. До сих пор еще представления о земских соборах XVII в. распространяются

¹ С. А. Авалиани. Земские соборы. Литературная история земских соборов, изд. 2, дополн., Одесса, 1916, стр. 3.

² С. В. Юшков. К вопросу о сословно-представительной монархии в России. «Советское государство и право», 1950, № 10.

³ «Вопросы истории», 1958, № 5.

на земские соборы XVI в., представления о земских соборах конца XVI в. — на собрания середины этого века, представления о сословно-представительных учреждениях Западной Европы — на Россию XVI в. и т. п. От подобных аналогий не следует, конечно, отказываться. Более того, при скудности сохранившихся источников по истории соборов середины XVI в. прибегать к аналогиям необходимо. Но надо установить степень допустимости подобных аналогий, чтобы не оказалась скрытой за слишком широкими обобщениями конкретная картина деятельности отдельных соборов, изучать которые можно только в тесной связи с другими явлениями политической и социальной истории того времени.

Накопившиеся наблюдения по истории России XVI в. позволяют уже искать более или менее точный ответ на многие спорные вопросы истории соборов середины XVI в.

* * *

До сих пор еще не установлено, сколько было соборов, не ясны причины и поводы их созыва, не определены время деятельности соборов, содержание их работ, состав участников соборов, не уточнено — можно ли считать эти соборы или некоторые из них собственно «земскими соборами».

Это прежде всего является следствием недостаточного количества источников, привлекаемых обычно при изучении вопроса, неясности формулировок и конкретно-исторического содержания большинства источников (как все памятники публицистики тех лет, не вполне достоверных в деталях и в то же время крайне тенденциозных в оценке исторических явлений), позднейшего происхождения отдельных источников (вставка в так называемую Хрущовскую степенную книгу).

Наиболее изучена деятельность церковного собора 1551 г., так называемого Стоглавого собора, на котором рассматривались и вопросы «о всяких земских строениях»⁴. Известно, что Стоглавому собору предшествовал еще какой-то собор, часто называемый в литературе, вслед за И. Н. Ждановым, «собором примирения» («примирения» царя с боярами, или представителей различных прослоек класса феодалов между собой, или всех феодалов с тяглым населением).

Источниками, которыми пользовались исследователи, писавшие о «соборе примирения», были материалы Стоглавого собора, Первое послание Ивана Грозного А. М. Курбскому, «История о великом князе Московском» Курбского, речи Ивана IV с Лобного места, переданные в Хрущовской степенной книге (рукописной степенной книге XVII в., названной так по имени последнего ее владельца А. Ф. Хрущова — «конфидента» А. П. Вольнского, казненного вместе с ним в 1740 г.), приговоры о местничестве, и — с 1920 г. — Продолжение Хронографа редакции 1512 г.

В источниках, известных уже исследователям XIX в., дату «собора примирения» можно было найти только в Стоглаве и в Хрущовской степенной книге.

В Стоглаве в главе 4 помещена речь Ивана IV Стоглавому собору («Царь глаголет к собору») ⁵, в которой и находим указание на «собор примирения». В своем обращении Иван IV напоминает участникам собора о каком-то собрании, имевшем место «в предыдущее лето», т. е. в 7058 году (сентябрь 1549 г. — август 1550 г.). На этом собрании царь и бояре винулись перед освященным собором (собором духовенства) в согрешениях, царь, получив прощение, «заповедал» боярам «со всеми христианами помириться на срок», и бояре, приказные люди и кормленщики «со всеми землями помирились во всяких делах». На собрании Иван IV получил благословение на «исправление» Судебника. С этим событием он связывал и «устройство по всем землям» старост, целовальников, сотских и пятидесятских ⁶.

По Хрущовской степенной книге, Иван IV, видя государство «в велицей тузе и печали от наслия сильных и от неправд, умысли смирить всех в любовь». Посоветовавшись с митрополитом Макарием, царь велел «собрать свое государство из городов всякого чину». В один из воскресных дней, совершив молебен, Иван IV обратился с Лобного места к митрополиту с покаянной речью о прегрешениях, совершенных «юности ради» его и «пустоты» самовластными «боярами и вельможами», и просил митропо-

⁴ «Макарьевский Стоглавник». «Тр. Новгородск. губ. Уч. Арх. Комис.», вып. 1, Новгород, 1912, стр. 17 (далее: «Макарьевский Стоглавник»).

⁵ «Стоглав», изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 38.

⁶ «Макарьевский Стоглавник», стр. 16—17.

лита стать «помощником и любви поборником». Затем Иван IV обратился с подобной же речью к остальным присутствовавшим, говорил им о притеснениях и «неправдах» «бояр и властей» в годы его юности, призывая оставить взаимные «вражды и тяготы», и обещал сам вершить суд («сам буду судия и оборона, и неправды разоряти и хищения возвращати»). В тот же день царь пожаловал в окольничие А. Ф. Адашева, поручил ему «челобитных примати у бедных и обидимых, и назирати их с рассмотрением» и произнес в присутствии бояр назидательную речь — «и оттоле», читаем в заключении этого рассказа, Иван IV «нача и сам судити многие суды и разыскивати праведно». Собрание (или собрания) имели место на 20-м году жизни Ивана IV («егда же бысть в возрасте 20 году») ⁷. Однако известия об этом помещены в рукописи между описанием событий 1547 г. — венчания на царство и женитьбы Ивана IV (январь — февраль 1547 г.) и московских пожаров апреля и июня 1547 г.

Из сочинений Ивана Грозного и Курбского и из остальных данных Стоглава можно было лишь понять, что «сбор примирения» имел место после московского пожара июня 1547 г. и находился с ним в какой-то связи.

Такое состояние источников давно породило в исторической литературе споры о времени созыва «собора примирения». Уже Н. М. Карамзин, первым опубликовавший известие Хрущовской степенной книги, допускал две возможные даты собора — 1547 и 1550 г. ⁸. Исследователи XIX в. относили время созыва этого собора то к 1548, то к 1549, то к 1550 г. ⁹. И. Н. Жданов, полагавший, что собор состоялся в самом начале 7058 года, в промежуток времени между 1 сентября и 23 ноября 1549 г., связывал его деятельность с разговором о местничестве ноября 1549 г. ¹⁰.

В 1900 г. появилась статья С. Ф. Платонова, установившего, что листы Хрущовской степенной книги с известиями о соборе 1550 г. — позднейшая вставка в рукописный текст ¹¹. Дальнейшие исследования ученика С. Ф. Платонова П. Г. Васенко подтвердили и уточнили этот вывод ¹². И С. Ф. Платонов стал вовсе отрицать самый факт созыва «собора примирения» накануне Стоглавого собора ¹³.

Это мнение, однако, не было поддержано историками. Так, М. Н. Покровский в работе 1905 г. характеризовал вывод Платонова как «черезчур смелый» ¹⁴. В. О. Ключевский, готовивший к печати свой прославленный курс русской истории в 1905—1907 гг. ¹⁵, продолжал считать первым земским собором собор 1550 г. «Каково бы ни было происхождение соборной царской речи, трудно заподозрить само событие», утверждал Ключевский, ссылаясь при этом на «речь» Ивана IV Стоглавому собору ¹⁶. Писавшие после опубликования статьи Платонова, Ю. В. Готье, Н. П. Павлов-Сильванский, А. И. Заозерский, М. К. Любавский также по-прежнему датировали созыв «первого земского собора» 1550 г. ¹⁷.

М. А. Дьяконов, оставляя совершенно в стороне показания степенной книги Хрущова, по речам Грозного на Стоглавом соборе и другим источникам относил «сбор примирения» к промежутку времени от 1 сентября до 23 ноября 1549 г. (т. е. до начала Ка-

⁷ ЦГАДА, ф. 181, № 26/34, лл. 518—519; СГГ и Д, т. II, № 37.

⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII, изд. 6, Смирдина, стр. 106—108, и прим. 182 и 184.

⁹ Сводку мнений см. у В. Латкина. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями, СПб., 1885, стр. 67. Сам В. Н. Латкин, как и В. О. Ключевский, отставив дату — 1550 г.

¹⁰ И. Н. Жданов. Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 366.

¹¹ С. Ф. Платонов. Соч., т. I, Статьи по русской истории, изд. 2, СПб., 1912, стр. 201—205. «Речь Грозного на Земском соборе 1550 г.».

¹² П. Г. Васенко. Хрущовский список «Степенной книги» и известие о земском соборе 1550 года. ЖМНП, 1903, апрель.

¹³ С. Ф. Платонов. К истории Московских земских соборов, СПб., 1905, стр. 15.

¹⁴ М. Н. Покровский. Земский собор и парламент. Сб. «Конституционное государство», СПб., 1905, стр. 440.

¹⁵ В. О. Ключевский. Соч., т. I, М., 1956, стр. 377; т. 2, М., 1957, стр. 405, 449.

¹⁶ Там же, т. 2, стр. 197, 375—376.

¹⁷ Ю. В. Готье. Первые Земские соборы и их происхождение. «Научное слово», 1903, № 3, стр. 50; Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси, Пг., 1924, стр. 143; А. И. Заозерский. К вопросу о составе и значении земских соборов. ЖМНП, 1909, № 6, стр. 305; М. К. Любавский. Древняя русская история до конца XVI в., М., 1918, стр. 249.

занского похода), полагая, что он был одновременно и вторым церковным собором о новых чудотворцах, так как на соборе о чудотворцах присутствовали и миряне¹⁸.

В 1921 г. было опубликовано по рукописи рубежа XVII—XVIII вв. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. с известиями о каком-то собрании или каких-то собраниях в феврале 1549 г. Согласно этому известию, Иван IV 27 февраля в царских палатах перед «всем свяшенным собором» говорил высшим думным чином о притеснениях, которые в годы малолетства царя терпели от «них и от их людей» дети боярские и «христьяне» «в землях и в холопах и в ыных во многих делех», и потребовал прекращения этих злоупотреблений, угрожая опалой и казнью. «Бояре все» били челом, чтобы царь не наказывал их, обещая впредь «служити вправду безо всякия хитрости» как служили предкам его, и просили «давать им и их людям суд» с челобитчиками. Царь «пожаловал» «всех бояр», обещал не класть на них опалу и произнес в этом духе назидательную речь. Вслед за этим он «тоже говорил» «воеводам и княжатам и боярским детем и дворяном болшим» и «пожаловал их и наказал всех с благочестием умилне». 29 же февраля Ивана IV уложил «с митрополитом и с бояры» чтоб наместники «во всех городех Московские земли» не судили детей боярских «ни в чем опричь душегубства и татьбы и розбоя с поличным; да и грамоты свои жаловальные о том, во все города детем боярским послал»¹⁹.

Цитируя отрывки из этой летописи, С. Ф. Платонов в работе «Иван Грозный», опубликованной в 1923 г., решительно заявил, что «именно об этих мерах Грозный говорил» на Стоглавом соборе и что «событие 27 февраля 1549 г. послужило поводом к составлению легенды о земском соборе 1547 или 1550 года, когда будто бы царь на площади торжественно говорил всему народу покаянную речь и обещал ему правосудие»²⁰. Тем самым С. Ф. Платонов отказался от своего прежнего мнения, высказанного столь же безапелляционно, и признал, что до Стоглавого собора имел место «собор примирения»²¹.

Мнение С. Ф. Платонова было принято многими историками. К февралю 1549 г. относят «собор примирения» и Е. Максимович²², и С. В. Бахрушин²³. И. И. Смирнову «сближение февральской декларации Ивана IV с тем его выступлением, на которое царь ссылается в речи Стоглавому собору», представляется «вполне обоснованным»²⁴.

Тоньше подошел к этому вопросу Б. А. Романов, обнаруживший больше доверия к тексту Стоглава. По предположению Б. А. Романова, «речь» Ивана IV была составлена задолго до Стоглавого собора, вслед за завершением работы по составлению Судебника и принятием его на заседании Боярской думы в июне 1550 г. и может быть датирована июлем — августом 1550 г. «При такой датировке,— полагает Б. А. Романов,— «предидущее лето» будет означать 7057 г., т. е. и февраль 1549 г., а раздвоившееся в наших источниках (в летописи и в речи царя в Стоглаве) прощено-покаянно-примирительное неповторимое выступление царя Ивана можно будет отнести к 27—28 февраля 1549 г.»²⁵. Б. А. Романов отмечает, что «противопоказаний» для подобной датировки не имеется; однако он не приводит по существу доказательств в пользу своего предположения.

Некоторые советские исследователи по-прежнему датируют «собор примирения» 1550 г.— В. Ф. Ржига, С. Б. Веселовский, С. В. Юшков²⁶. Н. Л. Рубинштейн указывает

¹⁸ М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 3, СПб., 1910, стр. 482—486.

¹⁹ ПСРЛ, т. XXII, стр. 528—529; «Исторический архив», т. VII М., 1951, стр. 295—296.

²⁰ С. Ф. Платонов. Иван Грозный, Пг., 1923, стр. 62, 61, прим. 1.

²¹ А. Е. Пресняков в рецензии на эту работу возражал Платонову, отмечая, что не все в «речи» Ивана IV в Хрущовской степенной книге может быть сведено к позднему творчеству книжника конца XVII в. «ни по содержанию, ни по языку», однако своего решения вопроса не предложил (Сб. «Века», Пг., 1924, стр. 180).

²² Е. Максимович. Церковно-земский собор 1549 г. «Зап. Русск. научн. ин-та в Белграде», вып. 9, 1933, стр. 1—4.

²³ С. В. Бахрушин. Иван Грозный, М., 1945, стр. 21.

²⁴ И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века, М.—Л., 1958, стр. 296 (далее: Очерки).

²⁵ «Судебники XV—XVI веков», под ред. Б. Д. Грекова, М.—Л., 1952, стр. 190.

²⁶ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. «Тр. ОДРЛ», т. 1, Л., 1934, стр. 78—79; С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси, т. 1, М.—Л., 1947, стр. 92; С. В. Юшков. Указ. соч. стр. 43.

на две возможные даты — 1549 и 1550 г.²⁷ Таким образом, вопрос о времени созыва «собора примирения» остается еще не решенным и нуждается в дополнительном исследовании.

Надо выяснить, полностью ли изучены источники, ранее привлекавшиеся исследователями, определить степень достоверности сведений, заключенных в этих источниках. Установить, нельзя ли использовать какие-либо дополнительные источники.

Прежде всего следует попытаться определить степень достоверности сведений о соборе февраля 1549 г., приведенных в Продолжении Хронографа редакции 1512 г. До недавнего времени в правильности этих данных можно было сомневаться главным образом на том основании, что они обнаружены в поздней рукописи рубежа XVII—XVIII вв., содержащей немало фактических ошибок. После опубликования текста по рукописи середины XVI в.²⁸ такого рода сомнения отпадают.

Однако в изложении Хронографом событий конца февраля — начала марта 1549 г. бросаются в глаза странные числа, к которым отнесены эти события. «Уложение», освобождающее детей боярских от наместничьего суда, датировано 29 февраля, хотя такого числа не могло быть в невисокосный 1549 г. Смерть казанского хана Сафа-Гирея, о которой упоминается в первой же фразе, следующей за описанием собора и принятых на нем решений, датирована вовсе 30 февраля. Подобные несообразности внушают мало доверия к точности приводимых в Хронографе дат. Но приблизительная их правильность поддается проверке, так как сведения о «соборе» находятся в рукописи среди известий о событиях, точные даты которых устанавливаются по другим источникам.

В Хронографе непосредственно перед описанием «собора» помещены данные о посольстве Сигизмунда II Августа к Ивану IV в составе С. Кишки, Я. Комаевского и Г. Ясманова, в том числе указано время посольства (послы прибыли в январе 1549 г., отпущены из Москвы 25 февраля) и перечислены лица, приставленные к послам: приставы В. Т. Замыцкой, Ф. И. Челищев, дьяки Ф. Огарев, В. Чеглоков, подьячий Салтан Засецкий. Документы посольства сохранились в четвертой посольской книге Польского двора. Начала книги, содержавшего описание встречи посольства, недостает, и книга начинается с середины описания приема послов у царя, в январе 1549 г., но до 22 числа этого месяца. (Первая дата этой посольской книги — «генваря ж 22» — день, когда царь снова принимал послов). Послы, действительно, были отпущены из Москвы в феврале 1549 г., но не 25 февраля, как написано в Хронографе, а 16 февраля. Перечисленные в Хронографе лица, приставленные к послам, упоминаются в описании приема у царя на первых же листах посольской книги²⁹

О смерти казанского хана Сафа-Гирея читаем в летописях: по Никоновской летописи и Царственной книге — известие об этом было получено в Москве 25 марта, по Львовской летописи — 21 марта 1549 г.³⁰ Следовательно, описанное в Хронографе собрание могло иметь место во второй половине февраля — первой половине марта 1549 г.

В Хронографе поименовано несколько бояр, к которым в присутствии Макария и «всего освященного собора» обращался Иван IV: кн. Д. Ф. Бельский, кн. Ю. М. Булгаков, кн. Ф. А. Булгаков, кн. П. М. Щенятев, кн. Д. Ф. Палецкий, В. Д. Шеин, кн. Д. Д. Пронский, кн. А. Б. Горбатый. Семеро из них получили боярство еще до 1548 г.³¹ Нет данных лишь о П. М. Щенятеве. В разрядах начала 7057 года (т. е. последних месяцев 1548 г.) он еще не назван боярином. В следующий раз он упоминается в разрядах Казанского похода зимы 1549—1550 гг. уже как боярин³². Можно полагать, что боярский чин он получил зимой 1548—1549 гг. Д. Ф. Бельский и В. Д. Шеин умерли в 7058 г. (т. е. между августом 1549 и сентябрем 1550 г.)³³. Наконец, А. Б. Горбатый сразу же после получения известия о смерти Сафа-Гирея в марте 1549 г. был

²⁷ БСЭ, изд. 1, доп. том, «Союз Советских Социалистических Республик», М., 1947, стр. 366.

²⁸ С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. «Исторический архив», т. VII, М., 1951.

²⁹ Сб. РИО, т. 59, стр. 269, 302—303, 266.

³⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 157; ч. 2, стр. 459; т. XX, стр. 475.

³¹ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. «Археографич. ежегодник за 1957 год», М., 1958, стр. 59, 63.

³² П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.), М., 1901, стр. 132, 138 (далее: ДРК).

³³ ДРВ, ч. XX, стр. 30.

послан «по казанским вестем» в Нижний Новгород³⁴. В то же время среди бояр не названы годовавшие в то время в городах: кн. И. М. Шуйский, кн. И. В. Шемяка-Пронский (в Великом Новгороде), И. И. Хабаров (в Смоленске), кн. М. В. Глинский (в Васильгороде)³⁵. Таким образом, и согласно имеющимся данным о перечисленных в Хронографе боярах «собор» мог состояться не ранее января 1549 г. и не позже марта 1549 г.

Итак, у исследователей нет оснований сомневаться в том, что в первые месяцы 1549 г. действительно имел место какой-то «собор примирения».

Как же, однако, согласовать эти данные с данными Стоглава? В Стоглаве приведено несколько выступлений Ивана IV, составленных в высоком стиле церковно-ораторского искусства того времени, мастерами которого были и Иван IV и его учитель митрополит Макарий. Эти напыщенные произведения наполнены моральными сентенциями, выдержками из церковно-учительной литературы и обнаруживают несомненные черты политической демагогии.

В главе 2, где описывается открытие собора, кратко излагается и речь Ивана IV, произнесенная им с «веселым лицом», призывающая участников собора к «согласию» и «единомыслию». За последними словами речи следует: «и сия изрек и множае сих»³⁶. Как справедливо полагает Б. А. Романов, составитель Стоглава не имел под руками текста этой речи и сам воспроизвел ее по памяти, литературно обработав³⁷. Затем Иван IV дал собору «своя руки писание... с душеполезным показанием», которое и заняло почти всю 3 главу Стоглава. В «писании», содержащем немало автобиографических подробностей, описывается детство царя и самовластие бояр в годы его малолетства («мне сиротствующу, а царству вдовствующу»), пожар 1547 г., голод и события последующего времени. «Писание» было прочтено участниками собора и вызвало «удивление» и «радость зельную» присутствовавших, видевших «царскую душу совокупльшуюся с царским устроением»³⁸. «И потом,— читаем в Стоглаве,— царь власт на соборе иная писания о новых чудотворцах, и о многих и различных церковных чинех и вопросах имуще суща»³⁹. В «ином писании» царь напоминал Стоглавому собору о предшествовавших ему церковных соборах о новых чудотворцах. Вслед за «иным писанием» помещена цитированная уже «речь» Ивана IV («царь глаголет собору») ⁴⁰, содержащая указание на собор «в преидущее лето». «Иное писание» и эта «речь» Ивана IV составляет 4 главу Стоглава. Таким образом, в «писании» характеризуется все время правление Ивана IV, в «ином писании» — церковные соборы, в «речи» — собрание «преидущего лета» и связанные с ним государственные преобразования.

Датировка событий, помимо «речи», имеется в «ином писании», где Иван IV перечисляет церковные соборы последнего времени. На 17-м году «возраста» царя Ивана был созван собор, постановивший «пытати и обыскивати о великих новых чудотворцах». На 19-м году «по наказу» царя снова собирается церковный собор о новообъявленных «чудотворцах», и, наконец, на 21-м году «возраста» и «в 18 лето царства» Ивана «по повелению» его собирается Стоглавый собор⁴¹. Иван Грозный, как известно, родился 25 августа 1530 г., и начало очередных лет «возраста» его почти совпадало с началом обычных годов по русскому летосчислению того времени, т. е. с 1 сентября.

Точность датировки событий, отмеченных в «ином писании», легко поддается проверке. Первый церковный собор о новых «чудотворцах» действительно состоялся на 17-м году жизни Ивана IV, в феврале 1547 г., Стоглавый собор состоялся на 21-м году жизни Ивана IV в первой половине 1551 г. Известно и о втором соборе о чудотворцах 7057 года (т. е. в сентябре 1548 — августе 1549 г.)⁴².

Даты церковных соборов, перечисленных в «ином писании», подтверждаются другими источниками. Это важно отметить как показатель степени достоверности датировки событий, охарактеризованных в 4 главе Стоглава.

³⁴ ДРК, стр. 132.

³⁵ ДРК, стр. 129, 132, 134, 140; Е. Максимович. Указ. соч., стр. 3, прим. 1.

³⁶ «Макарьевский Стоглавник», стр. 9.

³⁷ «Судебники XV—XVI веков», стр. 189.

³⁸ «Макарьевский Стоглавник», стр. 12, 15.

³⁹ Там же, стр. 15.

⁴⁰ «Стоглав», изд. Д. Е. Кожанчикова, стр. 38.

⁴¹ «Макарьевский Стоглавник», стр. 16.

⁴² Е. Е. Голубинский. История канонизации святых в русской церкви, изд. 2, М., 1903, стр. 101 и сл.

Можно полагать, таким образом, что в 7058 году действительно имел место какой-то «собор примирения», последствием которого явились серьезные государственные реформы. Думать, что в одной и той же главе Стоглава дважды — в «ином писании» и в «речи» — написано под разными годами о соборе февраля 1549 г. нет оснований. Стоглав, как показал Д. И. Стефанович, редактировался тщательно и составлен был весной 1551 г.⁴³

В Стоглаве имеются и другие указания на какое-то покаяние царя и бояр. В «писании», вспоминая о «тяжких и великих пожарах» 1547 г., Иван IV напоминает о покаянии своем в Успенском соборе перед митрополитом и освященным собором и о том, что получил «мир и благословение и прощение о всем, еже содеях зле». Вслед за этим, добавляет царь, «и аз всем своим князем и бояром по вашему благословию, а по их обещаю на благотворение подах прощение в их к себе прегрешениях. И по вашему же благому совету... начах вкупе устроить и управлять богом врученное ми царство...»⁴⁴. В том же «писании» имеется, по-видимому, и другая ссылка на какое-то решение, принятое на освященном соборе: «и помяните, како обещаете на святом соборе, яко аще что ми велят сотворити не по правилом святых отец князи и бояре, аще и сами владущи, аще и смертию воспретят, никакко же ми их не послушати»⁴⁵.

Таким образом, в «писании» вместо сравнительно определенного указания на время «собора примирения» («приидушее лето»), содержащегося в царской «речи», имеем неопределенное указание на то, что примирение это произошло после пожаров 1547 г. В «писании» не отмечена и связь примирения с конкретными мероприятиями правительства, отмеченными в «речи» (составление Судебника, примирение «на срок» бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями во всяких делех», реформа местного управления). Однако именно с этим событием в «писании» связывается начало совместного управления государством («начах вкупе устроить и управлять»). Все это позволяет предполагать, что данные о собрании с покаянными речами в «писании» и в «речи» Ивана IV относятся не к одному, а к разным событиям.

О «покаянии» царя и о примирении его с боярами и с «людьми» читаем и в сочинениях Ивана Грозного и Курбского.

В Первом послании Курбскому Иван IV после изображения событий лета 1547 г. и обстоятельств приближения А. Адашева и Сильвестра пишет: «Потом же вся собором, все архиепископы, и епископы, и весь освещенный собор руския митрополия, и еже убо во юности нашей, еще нам содеянная, на вас, бояр наших, наши опалы, та же и от вас, бояр наших, еже нам сопротивное и проступки, сами убо пред... Макарием, митрополитом всеа Руси, во всем в том простихомся (в другой рукописи «соборне простихомся»⁴⁶); вас же, бояр своих, и всех людей своих в преступках пожаловал и впредь того не воспоминати; и тако убо мы всех вас яко благии начахом держати»⁴⁷. Из этих слов инициатора и участника событий ясно, что «примирение» произошло «соборне» и имело место после Московского восстания июня 1547 г.

Курбский в «Истории о великом князе Московском» описывает это событие также в связи с приближением к Ивану IV Сильвестра и А. Адашева, которые, «присовокупив к себе в помощь» Макария и «всех предобрых и преподобных мужей, презвитерством почтенных», возбуждают царя к «покаянию» и обращают его к «благочестию»⁴⁸. Никаких конкретных данных Курбский к нашим сведениям не добавляет, подтверждая только то, что произошло это собрание после пожара 1547 г.

Постараемся суммировать имеющиеся в нашем распоряжении данные. Несомненно, что в промежуток времени между московским восстанием 1547 г. и созывом Стоглавого собора происходило какое-то собрание в присутствии освященного собора, на котором царь каялся в своих согрешениях; каялись и бояре. Результатом этого собрания было примирение между царем и боярами — с одной стороны, и бояр, «приказных людей» и кормленщиков «со всеми землями» — с другой стороны, и начало совместной работы

⁴³ См. Д. Стефанович. О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав, СПб., 1909, стр. 89.

⁴⁴ «Макарьевский Стоглавник», стр. 13.

⁴⁵ Там же, стр. 14.

⁴⁶ РИБ, т. XXXI, стр. 62—63.

⁴⁷ «Послания Ивана Грозного», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951, стр. 37.

⁴⁸ РИБ, т. XXI, стр. 10—11.

царя, бояр и иерархов по устройению государства. Собрание это являлось актом совместной деятельности царя, Макария и новых советников Ивана IV (Адашева и Сильвестра) и находилось в тесной связи с другими мероприятиями правительства.

После внимательного прочтения и сопоставления приведенных выше выдержек из источников, исследователь, однако, остается в недоумении. Созыв этого собрания и самое покаяние царя Ивана и бояр в прегрешениях явились следствием пожара и восстания июня 1547 г.; но они имели место не сразу после этих событий — не ранее чем через полтора года; «покаяние», как отмечают источники, происходило «соборне», в присутствии освященного собора, но первый после июня 1547 г. известный нам церковный собор имел место не ранее осени 1548 г. (начала 7057 года). В своих обращениях к Стоглавому собору Иван IV, характеризуя церковный собор 1549 г., ничего не говорил о «примирении» с боярами и «людьми», но зато вспоминал об этом дважды совсем в другой связи. Надо попытаться как-то согласовать эти разноречивые известия между собой, а сделать это можно только расширив круг привлекаемых источников.

В «Летописце начала царства» не встречается как будто даже намек на подобные события. Вызвано ли это тем, что им придавалось мало значения, или, напротив, их исключили из белового экземпляра при окончательном редактировании текста, сможет показать только специальное исследование летописи.

Об интересующем нас событии, однако, напоминает официальная «Книга Степенная царского родословия», составленная в 1560 гг. В 17 степени ее, посвященной царствованию Ивана Грозного, в 9 главе имеется особая подглавка «О покаянии людьстем». Подглавка эта помещена вслед за описанием «страшных и сугубейших пожаров» 1547 г. и якобы сопутствовавших им «чудес», и в ней описывается «покаяние» царя, вельмож и «простых людей»⁴⁹. Характерно, что этот религиозно-назидательный рассказ помещен именно в клерикально-монархической Степенной книге. Для нашей темы важно выделить то, что «покаянию» составители Степенной книги — лица из окружения митрополита — придавали особое значение в ряду событий времени правления Ивана IV, и что произошло оно вскоре после пожаров, так как уже через год после июньского пожара («летом единым») Москва была восстановлена.

В свете этого наблюдения особый конкретно-исторический смысл приобретает религиозно-моральная сентенция «Летописца начала царства», заключающая описание «великого пожара» июня 1547 г.: «...бог же праведным своим судом приводяй нас на покаяние, ово убо пожаром, ово убо голодом, ово же убо ратных нахождением, ово убо мором» (подчеркнуто мной.— С. Ш.)⁵⁰.

Таким образом, появилась еще третья дата какого-то собрания с покаянно-примирительными речами. На первый взгляд может показаться, что это только запутывает исследователя. На самом же деле здесь-то и можно искать разгадку той путаницы, которая имеется в источниках. Следует отказаться от привычной мысли будто бы Стоглавому собору предшествовал только один «собор примирения», таких собраний было три — в 1547, в 1549 и в 1550 г., и различные источники упоминают о различных собраниях.

Первое собрание такого рода состоялось после пожара и восстания июня 1547 г. и сводилось оно в основном лишь к «покаянию» москвичей, напуганных «великим пожаром», казавшимся им карой за прегрешения. Не следует упускать из виду особенности мировоззрения человека средневековья, отягощенного «путами всеильной теологии»⁵¹. Зрелище объятий пламенем Москвы, восстание народа и убийство в церкви дяди царя, поиски убежища от восставших, дошедших до Воробьева, где находился тогда царь,— все это не могло не произвести устрашающего воздействия на впечатлительного юношу Ивана. «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя», вспоминал он через несколько лет на Стоглавом соборе, заметив тут же: «и смирился дух мой и умилился и познав своя согрешения»⁵². Этим смятением духа молодого царя, видимо, воспользовался его духовник Сильвестр, выступивший, по словам Курбского, с сильной обличительной речью, «заклинающе его страшным божьим именем», изменить образ жизни⁵³. Вероятнее всего, именно Сильвестр, приобретший особое влияние на 17-летнего царя Ивана.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 638.

⁵⁰ Там же, т. XIII, ч. 1, стр. 154; ч. 2, стр. 455; т. XX, стр. 472.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 295.

⁵² «Макарьевский Стоглавник» стр. 13.

⁵³ РИБ, т. XXI, стр. 9—10.

вместе с Макарием и побудил его к публичному покаянию. Опытные политические демагоги Макарий и Сильвестр правильно рассчитали, что такое публичное покаяние сможет способствовать некоторому успокоению народа, лишенного крова, утратившего имущество, обезумевшего от потери близких людей.

«Покаяние» это, видимо, произошло с участием митрополита Макария, а это значит, что оно не могло быть вскоре после пожара, так как митрополит, спасаясь от огня, сильно расшибся при спуске «на взруб к реке Москве». Едва дышавшего старика («едва отдыха») перевезли сначала за реку в великокняжеский сад, а на следующий день «еле жива» — в Новинский монастырь. Туда впоследствии к нему приезжали «на думу» Иван IV «со всеми бояры»⁵⁴. Не исключено, что «покаяние» произошло лишь в конце ноября — начале декабря 1547 г., когда Иван IV по печалованию митрополита Макария простил пытавшихся укрыться в Литве князей М. В. Глинского и И. И. Турунтая-Пронского. В декабре 1547 г. в Москве находились и многие иерархи; это видно из поручной записи по Турунтае-Пронском⁵⁵.

В следующий раз покаянно-примирительные речи произносились на соборе конца февраля 1549 г., наиболее детальное описание которого сохранилось в Продолжении Хронографа редакции 1512 г. Деятельность этого собора подробно исследована, особенно в последней монографии И. И. Смирнова. И. И. Смирнов правильно указывает, что основным вопросом, рассматриваемым на соборе, был вопрос о детях боярских, и что процедура обсуждения его состояла из трех стадий: речь царя на заседании Боярской думы с освященным собором, челобитье всех бояр и речь царя воеводам, княжатам, боярским детям и дворянам большим, которые уже прежде, во время заседания Боярской думы, находились в Кремле. И. И. Смирнов же подчеркивает элементы социальной демагогии в политике правительства Ивана IV, цель которой заключалась в том, чтобы заявлением о защите всех «христьян» прикрыть классовый смысл политики правительства как органа власти господствующего класса феодалов-крепостников⁵⁶. Февральская декларация Ивана IV, носившая программный характер, по мнению И. И. Смирнова, явилась исходным пунктом в проведении реформ 1550 гг., а закон об изъятии детей боярских из-под юрисдикции наместников был «начальным моментом законодательной деятельности, итогом которой явился Судебник 1550 г.»⁵⁷.

Собрание это происходило одновременно с церковным собором и являлось определенной частью и его работ. В тексте Хронографа дважды упоминается, что первая речь Ивана IV и «примирение» его с боярами имели место «перед в с е м освященным собором» (подчеркнуто мной.— С. Ш.). Так обозначался обычно так называемый полный церковный собор, на котором присутствовали все высшие церковные чины, в отличие от так называемых неполных соборов из «прилучившихся», т. е. находившихся в данное время в Москве архиереев⁵⁸. В марте 1549 г. были назначены два новых архиерея: 10 марта — симоновский архимандрит Трифон епископом в Суздаль, 17 марта — игумен Троице-Сергиева монастыря Никандр архиепископом в Ростов⁵⁹, а выборы архиереев происходили на полных соборах. Есть основания полагать, что этот церковный собор и был вторым церковным собором по канонизации новых чудотворцев, и М. А. Дьяконов правильно сближал «собор примирения» с церковным собором 7057 года, месяц созыва которого не указан в источниках. Другие известные нам полные церковные соборы середины XVI в. происходили также в феврале: первый собор о новых чудотворцах 1547 г., Стоглавый собор 1551 г., собор о белом клобуке московских митрополитов 1564 г. Видимо, такова была установившаяся традиция⁶⁰.

Важные вопросы церковного и общегосударственного устройства могли обсуждать

⁵⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 153; М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. «Исторические записки», т. 46, стр. 288

⁵⁵ СГГ и Д, т. 1, № 165.

⁵⁶ И. И. Смирнов. Очерки, стр. 289—296.

⁵⁷ Там же, стр. 289, 313, прим. 8.

⁵⁸ Н. Ф. Каптерев. Царь и московские соборы XVI и XVII столетий. «Богословский вестник», т. 3, 1906, стр. 481 и сл.

⁵⁹ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 157.

⁶⁰ Не случайно к этому времени года были приурочены и венчание Ивана IV царским венцом и его свадьба. В одном из летописчиков так и написано: «с собора [Ивана IV] поставили на царство и нарекли его: царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец» (РОБИЛ, ф. 310 (В. М. Ундольского), № 1326, л. 78об.).

ся и решаться только на «полных» церковных соборах. Можно думать, что на этом же соборе было принято и решение об ограничении иммунитетных прав большинства монастырей. Сохранилась царская грамота от 4 июня 1549 г. в г. Дмитров о содействии таможникам в сборе таможенных пошлин с торговых людей по случаю отмены тарханов. В этой грамоте читаем, что Иван IV «ны не (подчеркнуто мной.— С. Ш.) те все свои грамоты жаловальные тарханые в одних в своих в таможных пошлинах и в померных порудил, опричь Троицких Сергиева монастыря, и Соловецкого монастыря, и Нового девича монастыря, что на Москве, и Кирилова монастыря, и Воробьевские слободы»⁶¹. Таким образом, собором начала 1549 г., возможно, были ограничены права не только крупных светских феодалов-бояр, но и крупных церковных феодалов-монастырей. Именно этот-то собор, положивший начало большой преобразовательной деятельности правительства Избранной рады и есть наибольшее основание считать «собор примирения» — «примирения» между всеми прослойками класса феодалов.

Третье собрание такого типа было в 7058 году, т. е. в промежуток времени от 1 сентября 1549 по 1 сентября 1550 г., «в преиудшее лето» по отношению к году созыва Стоглавого собора. Правильность остальных дат Стоглава проверена по другим источникам. Следовательно, надо выяснить, нет ли в других источниках данных и об интересующем нас собрании.

Текст «речи» Ивана IV указывает и направление этих поисков. В ней говорится, что на собрании «преиудшего лета» имело место не только «примирение» царя с боярами и бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями», но и «исправление» Судебника. Слово «исправить» в приложении к законодательным памятникам в XVI в. употреблялось, — как установили еще в XIX в. — в значении: привести в исполнение, дать силу⁶².

Думается, что «речь» Ивана IV не дает оснований для распространенного в литературе предположения будто бы Судебник был представлен на утверждение Стоглавому собору. Из «речи» явствует, что в «преиудшее лето» царь и бояре били челом освященному собору о согрешениях, и участники собора их «в винах благословили и простили», и что царь «заповедал» боярам, приказным людям и кормленщикам «во всяких делах помирится на срок» «со всеми христианы», и они «со всеми землями помирились во всяких делах». «И тогда же» Иван IV «благословился... Судебник исправить» и «по благословению Судебник исправил»⁶³. Таким образом, и о примирении царя с боярами, и о примирении бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями», и об «исправлении» Судебника говорится как о действиях уже совершившихся и при том совершившихся одновременно («тогда же»).

То, что утверждение Судебника предшествовало созыву Стоглавого собора, обнаруживается при сравнении текстов Судебника и Стоглава. Изучая 91 статью Судебника и 98 главу Стоглава, И. И. Смирнов квалифицирует приговор Стоглавого собора о слободах (т. е. главу 98 Стоглава) как «новый этап в развитии законодательства о слободах по сравнению с Судебником 1550 г.» и расценивает его «как шаг назад по сравнению со ст. 91 Судебника 1550 г.»⁶⁴. Представление о том, что Стоглав, 98 глава которого существенно изменяет 91 статью Судебника, мог быть утвержден одновременно с Судебником, противоречит элементарной логике. Следовательно, утверждение Судебника предшествовало времени созыва Стоглавого собора.

Слова Ивана IV об «устройстве по всем землям государства» старост, целовальников, сотских и пятидесятских относятся, видимо, прежде всего к новой, 68 статье Судебника, где читаем: «а в которых волостех наперед сего старост и целовальников не было, и ныне в тех волостех быти старостам и целовальником во всех». И. И. Смирнов полагает, что «устройство по всем землям» старост и целовальников «было осуществлено еще до издания Судебника, параллельно с работой по его подготовке»⁶⁵, и считает даже, что уставные грамоты о старостах и целовальниках были уже ко времени Стоглавого собора разосланы «по всем землям». Б. А. Романов принимает выводы И. И. Смирнова, однако с оговоркой, что уставные грамоты были «пописаны», но не

⁶¹ ААЭ, т. I, № 223, стр. 213.

⁶² И. Н. Жданов. Соч., т. 1, стр. 121; Д. Стефанович. Указ. соч., стр. 75.

⁶³ «Макарьевский Стоглавник», стр. 17.

⁶⁴ И. И. Смирнов. Очерки, стр. 372.

⁶⁵ Там же, стр. 312 (см. также его статью «Судебник 1550 г.». «Исторические записки», т. 24, М., стр. 270, 293).

были «разосланы»⁶⁶. Думается, что точка зрения Б. А. Романова ближе к истине, так как в тексте «речи» отмечается лишь, что царь «пописал» уставные грамоты.

Текст этих уставных грамот следовало согласовать с текстом Судебника («се Судебник перед вами, и уставные грамоты: прочтите и разсудите...») ⁶⁷. И Стоглавому собору представили на утверждение не текст Судебника, а текст уставной грамоты. Именно на это испрашивалось «благословение» Стоглавого собора, после чего надо было «подписать на судебники и на уставной грамоте, которой в казне быти» ⁶⁸. Нельзя не обратить внимание на то, что слово «судебники» употреблено во множественном числе, а слово «уставная грамота» — в единственном. Видимо, речь шла о том, чтобы «подписать» не только на официальном экземпляре «Судебника за дьячими руками», который хранился в Царском архиве ⁶⁹, но на всех экземплярах действующего уже Судебника, а также на том образце уставной грамоты, который должен был храниться в Царском архиве. Первая из известных нам уставных грамот — грамота крестьянам Плесския волости — выдана была как раз 28 февраля 1551 г. ⁷⁰ в дни заседаний Стоглавого собора. Таким образом, и данные о составлении уставных грамот старостам и целовальникам свидетельствуют о том, что Судебник не был представлен на утверждение Стоглавому собору. Недаром Б. А. Романов вынужден был признать, что «прямых документальных следов утверждения Судебника Стоглавым собором у нас пока нет» ⁷¹.

Самый тон Судебника говорит о законодательном процессе как о совершившемся: «А вперед всякие дела судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, как царь и великий князь в сем Судебнике с которого дни уложил» (подчеркнуто мной. — С. Ш.) — читаем в ст. 97. Судебник датирован июнем 1550 г. Как явствует из текста заголовка, он был утвержден на заседании Боярской думы в июне 1550 г. (в разных списках обозначены различные даты — 1, 18, 19 или 24 июня) ⁷² Июнь 1550 г. как раз и был в «преидушее лето» сравнительно с 7059 годом — годом заседаний Стоглавого собора.

Можно думать, что вслед за «уложением» Судебника Боярской думой он был утвержден и на собрании более широкого состава. Об этом сохранились известия в одном из летописцев начала XVIII в., любезно указанном автору Т. Г. Липкиной, и в приписке В. Н. Татищева на полях Львовской летописи ⁷³. Тексты эти совпадают почти дословно. Летописный текст таков: «Да видя же князь великий, что в судех неправды и грабления, оставя предков уложения, судят по своей воли, и для того велел князь великий собрати от городов добрых людей по человеку, да к тому бояр, окольничих и дворецких, велел сидети и судебник со старых судебников (у Татищева — «со старых уложений». — С. Ш.) делати; его же зделав, все крестным целованием утвердили, что держати в правду» ⁷⁴.

А. И. Копанев, отмечая такие особенности приписки Татищева, как то, что она находится на свободной части листа против текста, относящегося к 1544 г., и что Иван IV дважды назван не царем, а великим князем, объясняет это тем, что Татищев, работая над Львовской летописью, не знал еще Судебника 1550 г. (список которого был им открыт в 1734 г.) и, «видимо, дословно повторил свой источник, сообщивший об издании судебника, не исправляя его» ⁷⁵. Возможно, что таким источником и был цитированный выше «летописец» или его протограф.

Вряд ли случайно в «Летописце», повторяющем в основном текст официальной летописи, цитированные слова приведены вслед за описанием боярских бесчинств и

⁶⁶ «Судебники XV—XVI веков», стр. 266—267.

⁶⁷ «Макарьевский Стоглавник», стр. 17.

⁶⁸ Там же; «Стоглав», изд. Д. Е. Кожанчикова, стр. 39.

⁶⁹ «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года», под ред. С. О. Шмидта, М., 1960, стр. 31 (л. 294об.).

⁷⁰ «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», под ред. А. И. Яковлева, М., 1909, стр. 101—102.

⁷¹ «Судебники XV—XVI веков», стр. 182.

⁷² Там же, стр. 181.

⁷³ А. И. Копанев. Об одной рукописи, принадлежащей В. Н. Татищеву. «Тр. БАН СССР», т. II, 1955, стр. 236—237.

⁷⁴ РОБИЛ, Румянц. собр., № 257, л. 46об.

⁷⁵ А. И. Копанев. Указ. соч., стр. 237.

убийства кн. Андрея Шуйского в декабре 1543 г., непосредственно за известной фразой — «и от тех мест почали бояре от государя страх имети». В Царственной книге в описании событий последних месяцев 1543 г. сделано особенно много вставок, антибоярских по своей направленности, и к словам «страх имети» добавлено — «и послушание»⁷⁶. Летописная характеристика «самовольства» бояр, которые «многие неправды земле учиниша в государеве младости»⁷⁷, близко напоминает текст Стоглава. Очевидно, составитель позднейшей летописи, имевший под руками какие-то письменные источники или использовавший устные предания, рассматривал Судебник 1550 г. прежде всего в плане ограничения центральной властью боярского произвола, и потому считал его издание непосредственным следствием событий конца 1543 г.

А. И. Копанев на основании опубликованного им текста полагает, что Судебник 1550 г. «был выработан на Земском соборе при участии представителей от городов, боярской думы и других чинов государственного центрального управления»⁷⁸. И. И. Смирнов характеризует это замечание А. И. Копанева как «верное» и подчеркивает, что «есть все основания полагать, что специальные исследования этого известия утвердят уверенность в его достоверности»⁷⁹.

Важно отметить, что по летописному тексту Судебник «все крестным целованием утвердили». Не подразумевается ли в данном случае участие в процедуре утверждения Судебника освященного собора, к которому с этой целью Иван IV и обращался «в преидущее лето»? Бросается в глаза и то, что, по летописному известию, Судебник велено было «со старых судебников делати». «Старые судебники», очевидно, и есть «уложения предков»⁸⁰. Это очень напоминает слова «речи» Ивана IV Стоглавому собору об «исправлении судебника по старине», т. е. призыв следовать традициям отца и деда Ивана IV, нарушенным в годы боярского правления, в годы «безгосударства»⁸¹.

О рассмотрении Судебника на каком-то расширенном заседании Боярской думы и освященного собора сохранились данные и в так называемых дополнительных «царских вопросах» к Стоглавому собору, опубликованных впервые И. Н. Ждановым по сборнику Ефимия Туркова. Думается, что начало этого дьячего доклада, обычно принимаемое за введение к остальным вопросам, посвящено именно рассмотрению Судебника. Текст читается так: «Говорити перед государем, и перед митрополитом, и передо владыки, и передо всеми бояры дияку, как было перед великом князе Иване Васильевиче, при деде, и при отце моем, при великом князе Василье Ивановиче, всякие законы, тако бы и ныне устроити по святым правилом и по праотеческим законом, и на чом святители, и царь и все приговорим и уложим, кое бы было о бозе твердо и неподвижно в веки»⁸².

Приведенные слова снова напоминают нам «речь» Ивана IV об исправлении и утверждении Судебника «по старине», «чтоб был праведен суд и всякия дела непоколебима во веки» (сравнить: «неподвижно в веки»). Остальные вопросы, предложенные Иваном IV, расположены в источнике в такой последовательности: 1) о борьбе с местничеством, 2) о пересмотре вотчин, поместий и кормлений, 3) о монастырских, княжеских и боярских слободах, 4) о ликвидации корчем, 5) о ликвидации мытов, 6) о пошлинах за перевоз через реку и за проезд по мосту, 7) о заставах по рубежам, 8) об установлении вотчинных книг и о регламентации службы с вотчин, 9) об упорядочении

⁷⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 443—444.

⁷⁷ Там же, ч. 1, стр. 145; ч. 2, стр. 444.

⁷⁸ А. И. Копанев. Указ. соч., стр. 237.

⁷⁹ И. И. Смирнов. Очерки, стр. 311, прим. 6. Остается непонятным только, почему это, по мнению И. И. Смирнова, «придаст гораздо большую конкретность и убедительность тем материалам о кодификационной работе над Судебником 1550 г., о которых идет речь в тексте» его работы. Ведь это известие опровергает положения И. И. Смирнова и о «легендарности» собора 1550 г. и о том, что Судебник утверждался на Стоглавом соборе 1551 г.

⁸⁰ «Судебниками» называли на языке XVI в. не только «уложения» общегосударственного значения. Например, при пожаловании хана Абдул-Латыфа городами Звенигородом, Юрьевым и Каширой ему был дан «судебник» («Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года», стр. 28 (л. 278об.)).

⁸¹ Об этом см. И. И. Смирнов. Очерки, стр. 300—301.

⁸² РО ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q, XVII, № 50, лл. 332об.—339; И. Н. Жданов. Соч., т. 1, стр. 175—186; «Памятники русского права», под ред. Л. В. Черепнина, выч. 4, М., 1956, стр. 576—580.

дела раздачи поместий, 10) о порядке обеспечения «вдовых боярынь», 11) о порядке надзора за ногайскими послами и гостями, 12) о всеобщей переписи земель⁸³.

Еще в 1904 г. была опубликована работа Н. Кононова, в которой высказывалось предположение, что эти «вопросы» относились не к Стоглавому собору, а к какому-то другому собранию, ему предшествовавшему⁸⁴. Основанием для подобного предположения послужило содержание 98 главы Стоглава (по другим спискам 94). В ней читаем, что Макарий 15 сентября 1550 (7059) г. обратился к царю с жалобой на царских наместников и волостелей, нарушающих приговор царя и освященного собора о церковных слободах. Приговор этот состоялся ранее 15 сентября 1550 г. («прежде сего»). Согласно приговору, новые церковные слободы должны были «тянуть тягло и суд» с городскими людьми, и подведомственны царским наместникам и волостелям. Наместники и волостели, однако, сделали попытку судить жителей не только новых, но и старых слобод. Поэтому Макарий просил Ивана IV, чтобы жителей старых слобод судили по старине, о чем и состоялось царское повеление в сентябре 1550 г. Сличая содержание 98 главы Стоглава и одного вопроса из числа опубликованных И. Н. Ждановым, Н. Кононов установил их близость и пришел к выводу, что вопрос этот был решен до сентября 1550 г. на каком-то другом собрании, состоявшемся, по его мнению, в марте — августе 1550 г., и что приговор, помещенный в Стоглаве, ссылается на это постановление предшествующего времени. Отсюда Н. Кононов заключил, что опубликованные И. Н. Ждановым дополнительные вопросы попали в сборник Ефимия Туркова не из деяний Стоглавого собора, а из какого-то другого источника. Д. И. Стефанович, специально исследовавший происхождение, редакции и состав Стоглава, присоединился к выводам Н. Кононова⁸⁵.

Догадка Н. Кононова подтверждается и другим данными. В тексте вопроса о местничестве в армии упомянуты приговоры о местничестве накануне Казанского похода: в ноябре 1549 г. в Москве, в декабре 1549 г.—январе 1550 г. во Владимире, в январе 1550 г. в Нижнем-Новгороде, и ничего не написано о приговоре июля 1550 г., вошедшем в текст официальной Разрядной книги⁸⁶. Недоумение по этому поводу высказал еще в 1870 г. крупнейший знаток истории местничества А. И. Маркевич, подозревавший путаницу хронологии в опубликованной И. Н. Ждановым рукописи⁸⁷. В сохранившейся в портфелях А. Ф. Малиновского копии приговора июля 1550 г., выписанной из Разрядной книги, отмечено, что царь принял это решение «со всеми боярами»⁸⁸, т. е. с полным составом Боярской думы. На расширенных думских соборах, так же как и на земских соборах, бывали обычно «все бояре».

Итак, можно полагать, что вопросы из сборника Ефимия Туркова относились не к Стоглавому собору, а к какому-то другому собранию, состоявшемуся в 1550 г. Соображения, будто бы на некоторые из этих вопросов отвечали решения Стоглавого собора⁸⁹ или решения, принятые в дни его заседаний, отнюдь не могут служить доказательством в пользу мнения, что данные вопросы предназначались именно Стоглаво-

⁸³ См. И. И. Смирнов. Очерки, стр. 301.

⁸⁴ Н. Кононов. Разбор некоторых вопросов, касающихся «Стоглава», разд. IV. «Как смотреть на отрывок Стоглава, на который обратил внимание И. Н. Жданов и который говорит не только о церковных предметах, но о земских делах». «Богословский вестник», 1904, апрель, стр. 697, 699.

⁸⁵ Д. Стефанович. Указ. соч., стр. 23, 55.

⁸⁶ Попытка И. И. Смирнова («Очерки», прилож. IV) доказать, что был лишь один приговор о местничестве, принятый в ноябре 1549 г., малоубедительна. Сличение опубликованных самим же И. И. Смирновым текстов приговоров о местничестве убеждает, вопреки мнению исследователя, в существенных различиях в их содержании.

⁸⁷ А. И. Маркевич. К истории войн Московского государства с Казанью. «Тр. IV Археологич. съезда в России», т. II, Казань, 1891, стр. 51.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 197, портфель 3, № 27.

⁸⁹ Г. Н. Моисеева полагает, что «связь продолжений вопросов со Стоглавом убедительно показывается приговорной грамотой от 11 мая 1551 г., где содержится ответ на все вопросы Ивана IV (подчеркнуто мной.— С. Ш.), в том числе и те, которые находятся в «продолжении» (Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века, М.—Л., 1958, стр. 65, прим. 73). Однако автор не сумел подтвердить свою точку зрения фактическими материалами. Осталось неуточненным и наблюдение Д. Стефановича о том, что эти вопросы, в отличие от церковных, держат обращение не к одним «святителям», а и к князьям и боярам (Д. Стефанович. Указ. соч., стр. 55).

му собору. Этот проект реформ представлял собой широкую программу правительственных преобразований, рассчитанную не на один год. Естественно, что к этим вопросам (во всяком случае к некоторым из них) правительство не раз возвращалось. Отдельные пожелания программы были осуществлены лишь в середине 1550 г. (Земская реформа, Уложение о службе). Следует ли отсюда, что мы должны относить время обсуждения этих вопросов к 1555 г.?

Собрание, которому были представлены на обсуждение вопросы, очевидно, состоялось не ранее июня (месяц утверждения на заседании Боярской думы Судебника) и не позднее 15 сентября 1550 г.

Посмотрим по источникам официального характера, могло ли в это время состояться в присутствии царя совещание Боярской думы, освященного собора, приказных людей и кормленщиков.

Из летописей и Разрядной книги узнаем, что 23 марта 1550 г. Иван IV возвратился в Москву из Казанского похода. 20 июля он выезжал «по крымским вестем» из Москвы на Коломну⁹⁰. Следовательно, собрание это могло иметь место в конце июня — первой половине июля 1550 г. Июлем 1550 г. как раз и датирован приговор о местничестве в армии.

А. А. Зимин, соглашаясь с датировкой царских вопросов из сборника Ефимия Туркова 7058 годом, оспаривает, однако, мое предположение, что собор состоялся в июне — июле 1550 г. Он основывается на том, что этот проект реформ был составлен до издания Судебника, ибо в нем нет ссылок на Судебник, и вероятнее всего, во время Казанского похода. «По тексту получается, — утверждает А. А. Зимин, — что во время написания проекта царь находился под Казанью: «И как приехали х Казани, и с кем кого ни пошлю т... бывает дело не крепко; и отселе куды кого с кем посылаю... помешка бы в а е т» (подчеркнуто А. А. Зиминым)⁹¹.

Проект реформ действительно был составлен ранее издания Судебника, более того, он представлялся на рассмотрение собору вместе с Судебником, и искать в нем ссылки на неутвержденный еще Судебник вряд ли приходится.

Грамматическое истолкование А. А. Зиминым цитированного текста оспаривается И. И. Смирновым, усматривающим прошлое время там, где А. А. Зимин видит настоящее. Думается, однако, что слово «отселе» неверно истолковали оба исследователя, и оно означало в данном случае «с этих пор»⁹². И. И. Смирнов правильно заключает, что «весь характер «Царских вопросов» свидетельствует о том, что они — не экстренный запрос царя, направленный им из-под Казани в Москву, а тщательно разработанный документ, рассмотренный на оглашение этих вопросов «перед государем, и перед митрополитом, и перед владыки, и перед всеми бояры»⁹³.

Факты истории Казанского похода 1549—1550 гг. убеждают в том, что Ивану IV под Казанью было не до составления проектов реформ и тем более не до их обсуждения. Поход был неудачным, попытки овладеть Казанью оказались безуспешными, хотя приступали «ко граду по вся дни, бьюще по стенам из великих пушек». Иван IV «стоял у города» 11 дней и «пошел прочь», «видя у града напрасное падение многие людей своих», — так описывается этот поход в «Летописце начала царства» и в «Казанской истории». В обоих источниках подчеркиваются и ужасная непогода — «аерное нестроение, холодная и «мразная» зима, ранняя весна, «дожди великие и мокрота немерная», «яко и становишам воинским потонути, и мест сухих не обрести, где стояти и огнем горети, и ризы своя посушити, и ядения сварити»⁹⁴. Такая обстановка мало подходила, конечно, для работы над проектами преобразований.

Судя по тексту вопроса, посвященного ограничению местничества в армии. Иван IV обращался к митрополиту, архиепископам и епископам, князьям и боярам. Церковные соборы, действительно, чаще всего созывались в феврале, но не имеется

⁹⁰ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 160; ДРК, стр. 144.

⁹¹ А. А. Зимин. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. «Исторические записки», т. 55, стр. 346.

⁹² См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, М., 1958, стр. 812.

⁹³ И. И. Смирнов. Очерки, стр. 487.

⁹⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 461; «Казанская история», подг. текста Г. Н. Моисеевой, М.—Л., 1954, стр. 85.

сведений, чтобы они собирались в походной обстановке и вообще вне Москвы. Нет никаких данных и о том, что Макарий и высшие иерархи сопровождали войска Ивана IV к стенам Казани. Напротив, и в официальной летописи, и в официальной Разрядной книге специально выделено, как событие из ряда вон выходящее, что Макарий и владыка крутицкий «с своим собором» приезжали в декабре 1549 г.—январе 1550 г. во Владимир, где в Успенском соборе митрополит уговаривал воинов не местничать во время похода. В летописи подчеркивается, что во Владимир митрополит приехал по просьбе царя, посылавшего за ним окольного 95. В том, что Макария под Казанью не было, убеждает и внимательное ознакомление с текстом вопроса о местничестве. В нем перечисляется несколько приговоров о местничестве в армии, имевших место в период подготовки и во время Казанского похода. Приговор был в Москве в Успенском соборе в присутствии митрополита («положил есмь совет своими бояры... перед гобсю»), «И в Володимере перед митрополитом з бояры тот же приговор был и в Нижнем Новгороде також» 96. Присутствие митрополита в Нижнем Новгороде, как и в Казани, не отмечено. Текст этого вопроса легко можно проверить по официальной летописи. Там также написано, что Иван IV в Москве перед походом «совет сотворяет... с Макарием», с братьями и с боярами, а затем вызывает Макария во Владимир, где митрополит «благословил» воинов «на земское дело иди... на... казаньцов». О поездке Макария в Нижний Новгород в летописи ничего не записано. Зато отмечено, кто из бояр сопровождал царя 97. В Продолжении Хронографа редакции 1512 г. прямо сказано, что Иван IV, во Владимире с Макарием, великой княгиней и братом Юрием Васильевичем (в официальной летописи и в официальной Разрядной книге упоминалось о приезде Юрия во Владимир) «прощание учинив, пошел на свое дело в Нижний Новгород» 98 в следующий день после крещения, т. е. 7 января.

Все это позволяет признать датировку А. А. Зимины малоубедительной и вернуть к дате собора — «июнь-июль 1550 г.» 99.

Таким образом, исследователь имеет уже достаточно оснований для предположения, что летом 1550 г., как раз в «преидущее лето» (сравнительно со временем заседаний Стоглавого собора) состоялось собрание, на котором обсуждались новый Судебник, приговор о местничестве и другие вопросы государственной жизни.

Все эти данные побуждают отказаться от излишне скептического отношения к сообщению Хрущовской степенной книги 100. Какими бы современными политическими мотивами не руководствовался составитель этой вставки, в основе ее лежат факты реальной действительности середины XVI в.— собор (1549 или, вернее всего, 1550 г.) и образование Челобитенного (или Челобитного) приказа во главе с А. Ф. Адашевым 101. И только недоразумением можно объяснить вывод одного из последних исследователей этой вставки В. Н. Автокротова, будто «все ее (вставки.— С. Ш.) сведения, поддающиеся проверке, противоречат действительному положению вещей в XVI веке» 102. М. Н. Тихомиров справедливо заметил по этому поводу, что «поздней-

⁹⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 460—461; ДРК, стр. 137.

⁹⁶ «Пам тники русского права», вып. IV, стр. 576.

⁹⁷ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 460, 461.

⁹⁸ ДРК, стр. 140; «Исторический архив», т. VII, стр. 298.

⁹⁹ Не исключено, впрочем, что именно в феврале 1550 г. под Казанью под свежим впечатлением местнических споров воевод Иван IV продиктовал дьякам текст вопроса о местничестве, попавший позднее в более пространный проект реформ.

¹⁰⁰ А. И. Коланев, опубликовавший приписку В. Н. Татищева о Земском соборе, на котором обсуждался Судебник 1550 г., счел необходимым подчеркнуть, что указанная приписка Татищева в какой-то мере подтверждает сообщение Хрущовской степенной книги о речи 20-летнего царя (т. е. в 1550 г.) с Лобного места перед собранными из городов представителями «всякого чину» (А. И. Коланев. Указ. соч., стр. 237).

¹⁰¹ С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. «Изв. АН СССР», серия ист. и филос., т. VII, 1950, № 5.

¹⁰² В. Н. Автокротов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. «Тр. ОДРЛ», т. XI, стр. 269, 278. К сожалению, не вполне убедительны и палеографические наблюдения В. Н. Автокротова над вставками в Хрущовскую степенную книгу. (В этой Степенной книге, как установил еще П. Г. Васенко, имеются три вставки, из которых вставка о соборе — последняя.) Вызывает лишь удивление, как мог автор, с такой казалось бы тщательностью изучивший палеографические особенности этой рукописи, не отметить того, что заметно и при менее скрупулезном исследовании. На бумаге двух вставок имеется водяной знак, а на бумаге третьей

шему фальсификатору едва ли пришлось бы в голову взять за основу своей подделки малоизвестные факты XVI в., которые сделались более или менее ясными только исследователям XX века». М. Н. Тихомиров полагает, что это произведение внесено в рукопись XVII в. из какого-то особого источника, и указывает, что в самом «воззвании» Грозного отсутствуют черты, характерные для позднейших подделок.

Близость терминологии записи о соборе к посланиям Грозного и к его речам, обращенным к Стоглавому собору, позволяет, по мнению М. Н. Тихомирова, думать, что перед нами запись, вышедшая из официальных московских кругов как бы в оправдание внезапного возвышения Адашева¹⁰³.

Участниками собора 1550 г. наряду с думными людьми, духовенством и «приказными людьми» вероятнее всего были те служилые люди, имена которых через несколько месяцев оказались внесенными в Тысячную книгу. Составление Тысячной книги требовало серьезной предварительной справочной работы. Приговор октября 1550 г. — лишь ее заключительный акт. Во время подготовки этого документа надо было ознакомиться со всеми кандидатами в состав «Избранной тысячи», выявить их земельные владения, в частности подмосковные. Знакомство это и должно было происходить летом 1550 г., когда «тысячники», в большинстве своем сопровождавшие Ивана IV в Казанском походе, находились в Москве накануне другого похода — против крымского хана.

Основным видом службы «тысячников» были «кормления»¹⁰⁴, и Иван IV вполне мог охарактеризовать их в «речи» Стоглавому собору как «кормленщиков». Входя в состав «государева двора», «тысячники» не теряли связей со своими уездами, с «городом», где находились и их основные земельные владения. Они служили «с городов» по дворовому (или московскому) списку, где особо выделялся «выбор из городов» — «лутчие слуги» государя. Именно приговором октября 1550 г. было положено основание особой категории дворян, служивших «по выбору» вплоть до реформ Петра I¹⁰⁵.

В заглавии Тысячной книги по одному из списков конца XVII в. указывалось, что подмосковные земли «даваны» боярам, окольныхчим, «всем думным людям и которым дворянам из городов»¹⁰⁶ (подчеркнуто мной. — С. III.). Не это ли побудило написать в летописи рубежа XVII—XVIII вв. о соборе «от городов добрых людей... судебник делати» и во вставке в Хрущовскую степенную книгу о собрании «из городов всякого чину», тем более, что «тысячники» делились на детей боярских трех статей? По мнению В. О. Ключевского, «тысячники» или их наследники представляли дворянство на Земском соборе 1566 г.¹⁰⁷. Не больше ли оснований предполагать, что они представляли дворянство и на соборе 1550 г.?

В начале 1551 г. «в царских полатах»¹⁰⁸ собрался Стоглавый собор. Его работа длилась несколько месяцев. Основной задачей собора было составление книги нового соборного уложения — Стоглава, которую, по мнению Д. И. Стефановича, редактировали с 23 февраля по 11 мая 1551 г.¹⁰⁹. Стоглавый собор был посвящен преимущест-

вставки — и именно о соборе 1550 г. — водяного знака нет; две вставки написаны одинаковыми чернилами, а одна — и опять-таки о соборе 1550 г. — более светлыми чернилами. Все это позволяет усомниться в правильности не только собственно исторических, но и палеографических выводов В. Н. Автократова, хотя они и поддержаны таким авторитетным специалистом как Л. В. Черепнин (Л. В. Черепнин. Русская палеография, М., 1956, стр. 326), и предполагать, что вставка о соборе 1550 г. могла быть внесена в Степенную книгу и не обязательно одновременно с двумя предыдущими вставками, которые В. Н. Автократов убедительно датирует концом XVII в.

¹⁰³ М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в., стр. 5—7.

¹⁰⁴ И. И. Смирнов. Очерки, стр. 420.

¹⁰⁵ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-восточной Руси, т. 1, стр. 318; «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», подг. к печати А. А. Зиминым, М.—Л., 1950, предисл. А. А. Зимины, стр. 4.

¹⁰⁶ И. И. Смирнов. Очерки, стр. 407—408, прим. 1.

¹⁰⁷ В. О. Ключевский. Опыты и исследования. Состав представительства на земских соборах древней Руси, Пг., 1919, стр. 382—383.

¹⁰⁸ «Макарьевский Стоглавник», стр. 16.

¹⁰⁹ Д. Стефанович. Указ. соч., стр. 83—89.

венно вопросам церковной жизни, но и на нем присутствовали миряне и рассматривались «земские нестроения»¹¹⁰.

В «писании» Иван IV обращался не только к духовенству (митрополиту, архиепископам, епископам, архимандритам, игуменам, «всему освященному собору и инокам»), но и к братьям, князьям, боярам, «воинам и всему православному христианству», призывая ко «исправлению» и «церковного благочиния», и «царского благозакония и всякого земского устройства». Об этом «возвещал» Иван IV и в неоднократно цитированной «речи» Стоглавому собору¹¹¹.

Однако, как замечает С. Б. Веселовский, «сведения о деятельности Стоглавого собора дошли до нас только через церковные источники, которые, естественно, отводили главное внимание церковным вопросам и если касались общих государственных вопросов, то только по связи их с церковными». С. В. Веселовский выделяет вопросы о податных привилегиях духовенства и его землевладении, отмечая, что поставлены они были на соборе «без сомнения, ...не иерархами церкви, а правительством юного царя». На основе решений собора был предпринят пересмотр всех жалованных грамот монастырей и церковных учреждений. Большая часть грамот была подтверждена 17 мая 1551 г. подписями на обороте, в которые были внесены изменения «по новому уложению»¹¹².

С деятельностью Стоглавого собора исследователи связывают и приговор от 11 мая 1551 г., ограничивавший монастырское и княжеское землевладение (дошедший в составе Стоглава)¹¹³, и решение о системе выкупа пленных (глава 98 Стоглава).

Стоглавый собор, как отмечалось уже, утвердил уставные грамоты об изменениях в местном управлении. Первая известная нам уставная грамота была выдана 28 февраля 1551 г. Очевидно, образец ее был утвержден еще прежде. Об утверждении уставной грамоты в «речи» Ивана IV говорится как об одном из первых по порядку дел, представленных на рассмотрение Стоглавому собору.

Не исключено, что участники Стоглавого собора рассматривали и вопрос о «Казанской войне». Официальная летопись сохранила известие о том, что Иван IV в начале 1551 г. обсуждал с братьями, «всеми боярами своими», бывшим казанским ханом Шах-Али (Шигалеем) и эмигрировавшими из Казани татарскими князьями план построения Свяжска и посылки рати к Казани. В Успенском соборе был отслужен молебен по этому поводу. Летопись передает содержание речей Ивана IV и Макария («благословения митрополита»). Деятельное участие Макария и духовенства в организации Казанской войны хорошо известно. Можно полагать, что Стоглавый собор с митрополитом во главе благословил Ивана IV на завершение «Казанской войны». Характерен в этом отношении летописный текст, сразу же следующий за текстом молитвы Ивана IV: «И начинает государь и делу касается, призывает к себе дьяка своего... Выродкова и посылает его... церквей и города рубити...». Совещание это было не позднее апреля 1551 г., так как в апреле войско уже было «отпущено» к Свяжску¹¹⁴. Вероятнее всего именно о Стоглавом соборе говорил Иван IV в речи «к Макарию митрополиту и ко всему священному собору», произнесенной в ноябре 1552 г. в Московском Успенском соборе в день возвращения из победоносного Казанского похода. Иван IV вспоминал, как «бил челом» освященному собору, прося молиться

¹¹⁰ Г. Н. Моисеева, очевидно, невнимательно прочла эту фразу в моей статье (С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. «УЗ МГУ», вып. 167, М., 1954, стр. 28), если могла на основании ее сделать вывод, что автор статьи отрицает постановку вопросов «государственной жизни» на соборе 1551 г. (Г. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 64, прим. 71). В статье отрицается лишь постановка на Стоглавом соборе вопросов, обнаруженных И. Н. Ждановым в сборнике Ефимия Туркова, в то время как некоторые исследователи только к ним и сводят вопросы о «земских строениях», рассматриваемые на Стоглавом соборе.

¹¹¹ «Макарьевский Стоглавник», стр. 11, 17.

¹¹² С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. 1, стр. 92; ААЭ, т. 1, № 222, 228.

¹¹³ ААЭ, т. 1, № 227; «Макарьевский Стоглавник», стр. 105, 107; Б. А. Романов. К вопросу о земельной политике Избранной рады. «Исторические записки», т. 38; И. И. Смирнов. Очерки, стр. 441—445; Г. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 66 в сл.

¹¹⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 464—465; ДРК, стр. 149.

«о нашем здравии и отдании многих согрешений, о устройении земском и о избавлении варварского нахождения, как советовал есмь» о Казанских делах¹¹⁵.

Все это не позволяет согласиться с характеристикой Стоглавого собора как обычного церковного собора¹¹⁶. Нет оснований именовать его и «земским собором»¹¹⁷ Стоглавый собор, по содержанию своей работы и по составу участников напомилавший собор весны 1549 г., еще И. Н. Жданов и М. А. Дьяконов с полным основанием называли «церковно-земским»¹¹⁸. В деятельности Стоглавого собора обнаруживаются черты компромиссной политики правительства тех лет, в частности компромисса между правительственной программой нестяжательского толка и осифлянским большинством собора¹¹⁹.

Таким образом, в конце 1540 — начале 1550 гг. было четыре расширенных собрания Боярской думы, освященного собора и еще каких-то лиц — собрания осени — зимы 1547 г., февраля — марта 1549 г., июня — июля 1550 г. и первой половины 1551 г. (Стоглавый собор). Содержание собрания 1547 г., очевидно, свелось только к покаянно-примирительным речам. На собраниях 1549, 1550, 1551 гг. рассматривались важные вопросы государственной и церковной жизни. Собрания 1547, 1549 и 1550 гг. можно условно, вслед за И. Н. Ждановым, назвать «соборами примирения». Поводом к составлению легенды о земском соборе 1547 или 1550 г., столь решительно отвергнутой С. Ф. Платоновым, послужили реальные факты политической жизни России середины XVI в.

Стоглавому собору, следовательно, предшествовало не одно собрание, на котором ставились вопросы о взаимоотношениях царя и боярства, о взаимоотношениях различных прослоек класса феодалов, декларировались планы государственных преобразований. Таких собраний было несколько — не менее двух. Их деятельность была тесно связана, и декларации и решения последующего собрания дополняли, развивали или даже повторяли решения предыдущего.

Подобное повторение вообще было характерно для правительственной практики XVI в.¹²⁰ Уже отмечался выше факт приятия в конце 1549, в 1550 г. нескольких «приговоров» об ограничении местничества в армии¹²¹. Наиболее яркий пример подобного стиля работы — приговоры о монастырских и церковных вотчинах в начале 1580 гг. Уложение освященного собора с участием царя и всех бояр состоялось 15 января 1580 г. Ровно через год, 15 января 1581 г., это уложение было подтверждено таким же приговором освященного собора, царя и бояр. В позднейших актах XVI — XVII вв. по наблюдениям С. Б. Веселовского делаются ссылки то на приговор 1580 г., то на уложение 1581 г.¹²² Естественно предполагать, что всякий раз при утверждении подобного приговора давалась сходная формулировка сущности его и мотивов, которыми руководствовало правительство, принимая решение. Из этого сходства формулировок, однако, вовсе не следует, что было одно постановление или одно собрание, а не несколько.

Помимо перечисленных соборов, в те же годы имели место и другие совещания соборной формы, воспоминания о которых, однако, не давали повода современникам и потомкам для размышлений на общественные темы.

7 января 1550 г., как установил М. Н. Тихомиров, такое совещание было во Владимире, где находилось войско, направлявшееся под Казань. Сведения о совещании

¹¹⁵ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 223—224.

¹¹⁶ Мнение, распространенное в работах по истории церкви.

¹¹⁷ А. V. Soloviev. L'influence du droit Byzantin dans les pays orthodoxes. «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», v. I. Firenze, 1955, p. 621.

¹¹⁸ И. Н. Жданов. Указ. соч. стр. 124; М. А. Дьяконов. Указ. соч., стр. 433; Е. Максимович. Указ. соч., стр. 4.

¹¹⁹ С. В. Бахрушин. Научные труды, т. II, М., 1956, стр. 273; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века, М., 1958, стр. 99.

¹²⁰ Такое повторение характерно было и для политической публицистики середины XVI в.: новгородский архиепископ Феодосий написал по случаю похода Ивана IV на Казань в 1549—1550 гг. четыре послания, причем текст их сходен (А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 82).

¹²¹ «Памятники русского права», вып. 4, стр. 576—577, 582—583.

¹²² С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. 1, стр. 99.

сохранились и в «Летописце начала царства» и в Продолжении Хронографа редак 1512 г.¹²³. Собрание это происходило в Успенском соборе утром в день выхода ц и войска из Владимира в Казань. После обедни к войску обратился (или обратили с воззванием Макарий (по официальной летописи) и Иван IV (по Хронографу), п зывавшие не местничать во время похода¹²⁴. По официальной летописи, Макарий « учае и благословляет бояр и воевод и князей и всех людей воинства царева»; Хронографу, Иван IV «говорил... перед Макарием митрополитом боярам и воево и княжатам и боярским детям и детям боярским и дворовым и городовым Москские земли и Новгородские с великим благочестием и наказанием умилне». В Хронографе переданы важные детали этого собрания: на призыв Ивана IV делать « за один по его царскому наказу» «бояре и воеводы и княжата и боярские дети все дети боярские Московские земли и Новгородские» обещали выполнять нака «единомышленно все заодно» воевать Казанскую землю: «Поди, государь, з бож помощью на свое дело и твое царское наказание и повеление сугубо восприемл как ты, государь, повелиш, так и делаем». «Это настоящая речь, похожая на постановления соборов, которые встречаются позже»,— замечает М. Н. Тихомир впервые обративший внимание на этот текст¹²⁵.

Совещался Иван IV с боярами и детьми боярскими и во время Казанского пох 1552 г. Так, 20 или 21 июня на «разсмотрении полков», стоявших на берегу О Иван IV, согласно краткой летописной записи, воевод и детей боярских «жалов и «словом утверждал, ...да не постыдятся против агарян» (так называли на язг церковных книжников казанских татар). Воеводы и дети боярские «утверждаю разумом» и «все едиными усты государю вешают», что готовы «пострадати и смерти». Вопрос о казанском походе, видимо, подвергся обсуждению, и Иван IV, без оснований, как показали события последующих дней, опасался несогласий. Поэтому он с особым удовлетворением, вернувшись к себе в Ставку в Коломну, «сказыв. «про воевод и детей боярских, что смышленно государю отвещаша»¹²⁶.

Через несколько дней, однако, недовольство детей боярских проявилось столь крыто и бурно, что «Летописец начала царства» вынужден был особо остановит на этом неприятном для власти эпизоде. 1 или 2 июля в Коломне, видимо, во вре обсуждения в «совете царском... с бояры и со всеми воеводы» вопроса о дальнейш путях движения войска, государю были челом недовольные новгородцы, и «многу несогласию бышу в людех». Новгородцы — дети боярские (а они были, как будто числе тех воинов, которых Иван IV «утверждал» 20 июня) — отказались двгаться Казани, говоря, что они давно уже в походе и не могут «толику долготу пути идти там на много времени стояти». Бунт служилых людей испугал Ивана IV («Госуда же о сем не мала скорбь, но велля бысть, еже тако неудобно вешают!»,— деликат комментирует официальный летописец), и он вынужден был, «не ища чести своему и личеству», и, видимо, не дожидаясь совещания «соборной формы» для прекращения «многонародных гласов молвы», «розписать» людей, обещая под Казанью их «жал вати и перекормити». Велено было также «вопросить о нуждах, да и вперед уведает : сударь всех людей своих недостатки». Иван IV дал какие-то обещания и вероятнее все обратился с речью к бунтовщикам, так как летописец передает их ответ. Видя, мол, ч Иван IV «неуклонно мыслит и попечение имеет о христианстве», а не о себе, они «отп щаша вси по единому и равногласны: готови со государем, а он, государь нашъ пр мысленик зде и там нами промыслит, как ему, государю, бог известит»¹²⁷.

Несмотря на то, что бунтовщики отвечали «по единому и равногласны», Иван не чувствовал себя уверенно; и едва ли не по его просьбе Макарий уже 13 июля с ставил пространное «учительное» послание, которое царь «велел прочитати в сем бс

¹²³ М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские с боры) в России XVI века, стр. 8—9.

¹²⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 460—462; Продолжение Хронографа редакции 1512 «Исторический архив», т. VII, стр. 297—298. Об этом совещании напоминает Иван IV в вопросе 1550 г. о местничестве.

¹²⁵ М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские с боры) в России XVI века, стр. 9.

¹²⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 187—188.

¹²⁷ Там же, стр. 191; ч. 2, стр. 488—489.

рам и воеводам»¹²⁸ (подчеркнуто мной.— С. Ш.). В послании — интереснейшем памятнике официальной публицистики середины XVI в. — с особой настойчивостью — «наипаче же» — проводится мысль о необходимости единения и подчинения власти государя накануне решительной схватки с внешним врагом.

Во вторую неделю августа Ивана IV близ Свяжска встретили свяжские воеводы с войском. Иван IV воевод жаловал «за службу жаловаными многыми словесы, та-коже всех детей боярьских». «Узрев многих людей, Иван IV также «увещал» их «многими жаловальными словесы и вперед за благочестие поборати» повелел. Вслед за этим был устроен обед, причем в шатры пригласили и детей боярьских и «горных людей»¹²⁹. Это краткое известие невольно напоминает собрания конца февраля 1549 г. с повторными речами Ивана IV, известными по записи Хронографа. Можно полагать, что речи царя, произнесенные на собраниях конца февраля 1549 г., на языке людей XVI в. также назывались «жаловальными словесами».

Под стенами Казани 23 августа 1552 г. Иван IV снова вынужден был публично повторить свои обещания. В летописи излагается его речь, произнесенная после молебна, близкая по содержанию к посланию Макария от 13 июля. Она озаглавлена «Речь царьская ко князю Владимиру». На самом же деле, как явствует из летописного текста, царь Иван «призвал» к себе не только В. А. Старицкого, но и бояр, и воевод, и «всех своих воинов, кои с ним в полку», т. е. в «Государевом полку». И прежде всего, конечно, детям боярьским Иван IV «говорил умильно» о своем желании «недостаточная наполняти и всяко пожаловать», обещая также, в случае гибели воина, «жены их и дети до конца жаловати». Уже эти слова вызывают в памяти текст некоторых из вопросов собору 1550 г.! Бояре и воеводы отвечали царю («Ответ к царю»), и лишь убедившись в единомыслии участников совещания («еже не инако отвещают, но единомысленно с ним побарают за благочестие пострадати»), Иван IV пошел под благословение к своему духовнику, повелев «всем полком крестом огражатися» (подчеркнуто мной.— С. Ш.)¹³⁰. И в данном случае совещание оказалось приуроченным к торжественной церковной службе, и крестоцелование должно было закрепить принятые решения.

Таким образом, и по составу участников и по порядку обсуждения вопросов совещания эти по существу мало чем отличались от покаянно-примирительных собраний 1549 г. и 1550 г.

Рассмотрение истории соборов середины XVI в. позволяет сделать некоторые предварительные замечания общего характера, относящиеся как к истории земских соборов, так и к политической истории России середины XVI в. в целом.

Кто же принимал участие в рассмотренных собраниях? Прежде всего Боярская дума (обычно полного состава) и освященный собор (полный или неполный). Участие духовенства (освященного собора) и дало название этим собраниям — «собор».

К настоящему времени определены категории думных чинов, все более выясняется состав Боярской думы XVI в.¹³¹ и ее многообразная деятельность. В XVI в. Боярская дума постепенно приняла характер постоянно действующего высшего государственного учреждения России. Она не имела самостоятельной раздельной от государя компетенции¹³². Ленинская характеристика государственного строя России XVII в. — монархия с боярской думой¹³³ — во многом относится и к государственному строю России середины XVI в.

Определение «освященный собор» не было вполне четким в представлениях людей XVI в. и имело различное значение. Так называли церковные соборы — полные и не-

¹²⁸ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 197.

¹²⁹ Там же, стр. 200—201.

¹³⁰ Там же, стр. 203—204.

¹³¹ Состав бояр и окольных с конца XV в. по 1584 г. см. в исследовании А. А. Зимина «Состав Боярской думы в XV—XVI веках».

¹³² С. О. Шмидт. К истории Царского архива середины XVI в. «Тр. Моск. гос. ин-та», т. 11, М., 1958, стр. 379—387.

¹³³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 47.

полные¹³⁴, и весь состав городского духовенства и вообще белое духовенство¹³⁵. «Сборными» или «собором» назывались и совместные заседания боярской думы и высшего духовенства. В исторической литературе их принято именовать думными соборами. В конце XVI в., по Флетчеру, на думных соборах, собиравшихся довольно часто и обычно по пятницам, присутствовало около 40 человек, из них примерно половину составляли духовные лица¹³⁶.

Собрания февраля — марта 1549 г. и весны 1551 г. были одновременно и церковными соборами полного состава. В остальных московских соборах участвовали митрополит, «прилучившиеся» архиереи и высшее московское духовенство¹³⁷. В XVI в. светские лица (в первую очередь «царский синклит» — Боярская дума) присутствовали на всех церковных соборах, даже на тех, которые рассматривали только церковные вопросы; они являлись столь же равноправными членами церковных соборов, как и духовенство, хотя и не подписывались под соборными «деяниями»¹³⁸.

В соборах середины XVI в. участвовали «воеводы», «княжата» «дворяне большие», «дети боярские» («дворовые» и «городовые», «московские и новгородские»), «воины» а также, видимо, «приказные люди» и вообще «кормленщики». Все эти лица принадлежали к различным прослойкам господствующего класса феодалов.

Данных об участии в соборах середины XVI в. посадского населения и крестьян не обнаружено. Так называемое «третье сословие» на этих собраниях не было представлено, что существенно отличает соборы середины XVI в. от земских соборов XVII в. Неучастие представителей третьего сословия в соборах середины XVI в. имеет глубокие социальные корни и является выражением и следствием экономической и особенно политической слабости русского «бюргерства» того времени.

В средние века, как известно, существовало очень дробное деление классов на группы, отличающиеся друг от друга юридическими правами и привилегиями. Эти различия, подчас едва заметные, не всегда улавливаются исследователями, справедливо подчеркивающими обычно то основное, определяющее, что характеризует класс в целом. Между тем, современники придавали большое значение различиям в положении на иерархической лестнице, разнице в правах и обязанностях таких категорий господствующего класса феодалов, как княжата и нетитулованное боярство, дворяне и дети боярские, служилые люди дворовые и городовые, московские и новгородские и т. д. И совещание государя с представителями этих категорий господствующего класса феодалов рассматривалось современниками как собрание представителей различных общественных групп, а выступление его на подобных собраниях трактовалось как обращение к различным слоям населения.

Особенно подчеркивали глубину различия между верхушкой класса феодалов и остальными феодалами титулованные бояре, отягченные аристократическими представлениями о «чести» «великих родов», одержимые местническими предрассудками. Это облегчает понимание слов Курбского о долге государя «искати доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных (в некоторых списках «всеродных») человек»¹³⁹. Для боярина князя Курбского, принадлежавшего, по его убеждению, к числу «сродных и единсколенных» московского государя, «всенародные человеки» — отнюдь не представители простонародья. Для обозначения этой группы насе-

¹³⁴ В практике церковного управления был обычай вызывать по особому указу на очередь (на год или полгода) в Москву «чередных» архиереев. Они составляли неполный церковный собор, рассматривали текущие церковные дела, не имевшие общецерковного значения, и были высшим судебным духовным учреждением. Такие соборы называли соборами из «прилучившихся» архиереев (Н. Ф. Каптерев. Царь и московские соборы XVI и XVII столетий, стр. 347—353). Так, Иван IV по возвращении в Москву в ноябре 1552 г. после «Казанского взятия» «дарил... митрополита и владык всех, в то время прилучившихся» (ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 228).

¹³⁵ Н. Ф. Каптерев. Указ. соч., стр. 481; И. М. Лихницкий. «Освященный собор» в Москве в XVI—XVII вв., СПб., 1906, стр. 18 и др.

¹³⁶ Дж. Флетчер. О государстве Русском, изд. 3, СПб., 1906, стр. 27—28.

¹³⁷ Выражение «со всеми освященным собором русския митрополия», по предположению Н. Ф. Каптерева, означало духовенство кафедрального митрополичьего собора, т. е. Успенского собора в Москве. На Стоглавом же соборе как на всероссийском были представлены «все освященные соборы всего нашего Российского царствия» (Н. Ф. Каптерев. Указ. соч., стр. 481).

¹³⁸ Н. Ф. Каптерев. Указ. соч., стр. 471, 487, 488.

¹³⁹ РИБ, т. XXXI, стлб. 214—215.

ления Курбский употребляет другое определение «простое всенародство»¹⁴⁰. «Всенародные человеки» — это менее знатные феодалы, т. е. категории правящего класса, которые в Речи Посполитой, где нашел беглый воевода приют, назывались «шляхетством». Курбский и не думал писать, как полагают некоторые историки и публицисты, о представительных учреждениях, где бы царь советовался с посланцами народа.

В «Валаамской беседе», памятнике современном Стоглавому собору, среди светских советников царя, с которыми ему надлежит «власть имети», также не названы представители третьего сословия: там перечисляются князья, бояре и «прочие великородные и приближные мирские люди»¹⁴¹.

Иван IV — один из инициаторов этих собраний — не мыслил даже возможным делить свою власть с широким кругом лиц, особенно с представителями третьего сословия, которых не считал «за людей». Не случайно он в 1570 г. язвительно укорял английскую королеву Елизавету: «мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые». Соучастие купечества в управлении государством, по мнению Ивана Грозного, — дело недопустимое, ронявшее «государскую честь»¹⁴². Дж. Флетчер в сочинении о России, посвященном королеве Елизавете, как бы комментирует эти слова Ивана IV, описывая думный собор: «что касается горожан или других представителей народных, то их не допускают в это собрание, так как простой народ... не имеет права ничего знать о делах общественных до тех пор, пока все не будет решено и окончено»¹⁴³. Это не исключало, впрочем, возможности обращения царя или митрополита с речами и к народу, т. е. ко всему «христианству».

Собрания середины XVI в. — это собрания феодалов, светских и церковных, собрания высших вассалов государя, число которых с расстройством власти государя на большую территорию, с политическим ослаблением крупных феодалов и дальнейшей централизацией государства, все более увеличивалось. Советниками государя становились не только члены Боярской думы — «думные люди», но и «лутчие слуги», из которых формировались все руководящие кадры для военной, придворной и административной службы. Это верхушка уездного дворянства, входившая постепенно в состав правящей верхушки Российского государства.

О системе представительства на собраниях XVI в. сказать трудно. Свидетельств о том, что участники соборов середины XVI в. выбирались на местах не имеется, и есть основание присоединиться к выводу С. Б. Веселовского, что «выбор из городов» — это не выборные, а отборные служилые люди¹⁴⁴. Однако они как землевладельцы определенных уездов, если и не представляли официально интересы верхушки уездного дворянства, то отражали их, и в значительно большей степени, чем московское боярство и княжата отражали чаяния и требования класса феодалов в целом.

Участники соборов не пользовались равными правами. И в тех случаях, когда это удается проследить по источникам, обсуждение вопросов (во всяком случае вопросов общегосударственных преобразований) происходило раздельно: на думном соборе и на соборе с более широким кругом участников (например, на соборе 1549 г.) Б. А. Романов характеризует даже собрание «воевод, княжат, детей боярских и дворян больших» в феврале 1549 г. как «нечто вроде второй палаты Земского собора»¹⁴⁵. Неодинаковость прав участников соборов характерна и для Земского собора 1566 г., широкое представительство на котором нам известно. Так, архиереи привесили к решениям («речам») собора свои печати и поставили подписи («руки приложили»), бояре, окольничие, приказные люди и дьяки, архимандриты, игумены и старцы только поставили подписи, а княжата, дети боярские и дворяне, так же как и купцы, ограничивались лишь крестоцелованием¹⁴⁶.

Подписавшие документ участники собора, т. е. думный собор, и составляли его основу. Остальные же участники этих неупорядоченных по своему составу и неопределенных по своим полномочиям совещаний собирались от случая к случаю.

¹⁴⁰ РИБ, т. XXXI, стлб. 221.

¹⁴¹ Г. Н. Моисеева. Указ. соч., стр. 180. Обоснование датировки памятника см. в главе II этого исследования.

¹⁴² «Послания Ивана Грозного», стр. 142.

¹⁴³ Дж. Флетчер. Указ. соч., стр. 27.

¹⁴⁴ С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. 1, стр. 318.

¹⁴⁵ «Судебники XV—XVI вв.», стр. 188.

¹⁴⁶ Н. Ф. Каптерев. Указ. соч., стр. 470.

Этим, вероятно, и можно объяснить, почему идеолог боярства Курбский ратует за то, чтобы царь «искал добраго и полезнаго совета не токмо у советников, но и у все-народных человек»¹⁴⁷. Курбский мечтал об опрании самодержавной власти государя всея Руси каким-либо учреждением наподобие сейма Речи Посполитой, учреждением, в котором Боярская дума — «рада» — могла бы играть руководящую роль. В годы опричнины, когда составлял свою «Историю» Курбский, время правления Избранной рады казалось ему идеалом полноты власти боярства¹⁴⁸.

Совещания середины XVI в. обнаруживают и черты расширенных совещаний думного собора с участием воев и приказных людей и черты церковных соборов с участием большого числа светских лиц.

Традиции расширенных думных соборов с участием воевод и воев ведут нас к хорошо известному совещанию, созванному Иваном III в 1471 г. перед походом на Новгород¹⁴⁹. Можно полагать, что подобные совещания в XV в. происходили значительно чаще и попросту не привлекли еще должного внимания исследователей. С такими совещаниями, безусловно, сближаются собрания 7 января 1550 г. и собрания, созванные накануне и во время Казанского похода 1552 г. Такие собрания М. Н. Тихомиров характеризует как «совещания соборной формы»¹⁵⁰. О церковных же соборах напоминают порядок обсуждения вопросов на соборах середины XVI в. и церковная торжественность обстановки¹⁵¹. И. Н. Жданов давно уже отметил, что Земский собор «вырастает на одном стволу с собором церковным»¹⁵².

Таким образом, соборы середины XVI в. оказываются по своей форме традиционно связанными как с расширенными собраниями феодалов, так и с церковными соборами предшествовавшего времени, и полагать, подобно Г. Штёклю, что внешняя форма этих соборов, как и вообще земских соборов, в какой-то мере заимствована из-за рубежа, нет никаких оснований¹⁵³.

Частый созыв соборов такого типа именно в середине XVI в., конечно, не мог быть случайностью, и историк обязан попытаться установить связь этого явления с другими историческими явлениями тех лет.

Самое обращение государя к расширенному совещанию феодалов вместо привычного совета с небольшой группой привилегированных «думцев» свидетельствует об укреплении общественного положения все более приближающихся к власти дворянства и приказных людей.

Созыв таких совещаний можно связывать с политикой дальнейшей централизации государства, которая особенно заметно обнаруживалась (в ближайшее к интересующим нас событиями время) в преобразованиях в области местного управления¹⁵⁴ и военной службы и в акте венчания Ивана IV на царство. Реформы местного управления, подрывая власть крупных феодалов и «кормленщиков» на местах, существенно расширяли возможности участия местного общества (точнее его верхушки) в управлении государством и постепенно приучали общественное сознание к мысли о сословно-представительной власти.

Венчание на царство, официально провозглашавшее единодержавие государя всея Руси на всей территории Российского государства, лишало почвы притязания наследников удельных князей на соучастие в управлении страной и притязания отдельных областей государства на сохранение своей политической обособленности. Царь считал-

¹⁴⁷ РИБ, т. XXXI, стлб. 214—215.

¹⁴⁸ Примеры использования теории о правах представительных учреждений в консервативных целях в период централизации государства найдем и в истории Западной Европы (Р. Ю. Виппер. Общество, государство и культура на Западе в XVI в. «Мир божий», 1897, апрель, стр. 103—104).

¹⁴⁹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 286.

¹⁵⁰ М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России в XVI века, стр. 9.

¹⁵¹ Н. Ф. Каптерев. Указ. соч., стр. 470.

¹⁵² И. Н. Жданов. Указ. соч., т. I, стр. 368.

¹⁵³ Н. Сат, А. Магонги, G. Stökl. Recent Work and Present Views on the Origin and Development of Representative Assemblies, «Relazioni del X Congresso internazionale di Scienze Storiche», v. I, p. 98 (Г. Штёкль в этом исследовании принадлежит IV раздел — «Osteuropa», — стр. 75—99).

¹⁵⁴ Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века, М.—Л., 1957.

ся отныне не первым из «влекомых» от рода святого Владимира, но стоявшим надо всеми Рюриковичами и Гедиминовичами, которые по отношению к нему были лишь «холопы». Собрание, более широкое, чем думный собор, и более зависимое лично от государя, должно было противостоять феодальной аристократии — и кичливым наследникам удельных князей, и гордым своей вековой близостью с правящей династией московским потемственным боярам. Такие расширенные собрания способствовали утверждению представления о царе как о государе всероссийском. Поэтому они призваны были противостоять и сепаратизму отдельных областей государства и возрождению традиций феодальной раздробленности.

Наконец, и это, по-видимому, самое главное, соборам середины XVI в. — расширенным собраниям феодалов, созданным верховной властью — предшествовали и сопутствовали и другие собрания — массовые народные собрания, созданные по почину самих посадских людей. Ведь конец 1540 г. — это не только время изучаемых нами соборов, но и время народных восстаний и возрождения народных вечевых собраний

Именно в эти годы обнаруживаются в исторических источниках столь редкие в рукописях XVI в. слова «вече» и «мир». В конце июня 1547 г. москвичи — черные люди, «собрався вечем», убили главу правительства дядю царя Ю. В. Глинского; по другому источнику, во время мятежа «великого» они убили его «миром»¹⁵⁵. Вече — это организованное собрание, обычно созываемое колоколом. Движущей силой восстания был московский «мир», т. е. народ¹⁵⁶. Слова «вече» и «мир» снова появляются в источниках в момент нового резкого обострения классовой борьбы в начале XVII в.¹⁵⁷

Не вынуждены ли были противопоставить этой возрожденной форме народного общественного мнения, этим столь опасным для господствующего класса и для самого государя организованным собраниям «черных людей» тоже более широкие по составу собрания верхов?

Не подсказал ли самый пример народных вечевых собраний идею расширенных соборов с обсуждением вопросов государственных преобразований? Не пришлось ли именно поэтому прибегнуть к форме покаянно-примирительных обращений царя к сравнительно широкому кругу лиц и, быть может, даже выступить перед народом? Не постарались ли потому и придать этим собраниям особую торжественность, церковную обрядность, невиданную в западноевропейских сословно-представительных учреждениях?

Так как в обществе настоятельно ощущалась потребность в преобразованиях, и идея созыва собраний широкого состава была популярна, надо было всячески показать «законность» созыва этих соборов, освящение именно их церковным авторитетом; надо было демонстрировать независимость верховной власти от «временников», от княжат и бояр и поддержку ее духовенством и более широкими слоями класса феодалов. Постановка вопросов о решительной войне с Казанским ханством также должна была успокоительно воздействовать на народ, особенно терпевший от «бесчисленных пленений и кровопролитий»¹⁵⁸. Недаром на соборах обращались ко «всему православному христианству»¹⁵⁹, так же как впоследствии ответные послания Курбскому будут адресованы Иваном Грозным «во все его Российское царство»¹⁶⁰, и принятие соборных решений мотивировалось прежде всего заботой о «христианстве». На восстание народа, на созыв веча по инициативе народа правительство догадалось ответить и обращением к народу; поэтому-то первое в ряду известных нам собраний конца 1540 — начала 1550 гг. собрание 1547 г. носило такой покаянно-демагогический характер и практиче-

¹⁵⁵ С. О. Шмидт. Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. «Проблемы источниковедения», вып. V, М., 1956, стр. 281; РО БИЛ, М., 1836, л. 28.

¹⁵⁶ И. И. Смирнов. Очерки, гл. 8.

¹⁵⁷ В одной из псковских повестей о восстании 1608—1612 гг. собрание восставших тоже обозначено как «вече» (М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в. «Из истории социально-политических идей», сб. ст. к 75-летию акад. В. П. Волгина, М., 1955, стр. 188) «Миром всем» убили и Лжедмитрия I (И. И. Смирнов. Очерки, стр. 135, прим. 45).

¹⁵⁸ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в.», М., 1955, стр. 358—359.

¹⁵⁹ «Макарьевский Стоглавник», стр. 11.

¹⁶⁰ «Послания Ивана Грозного», стр. 9.

ски, видимо, свелось лишь к собственно «примирению» различных групп населения, к успокоению общественного возбуждения.

Созыв в середине XVI в. соборов с декларацией планов государственных преобразований — знамение времени! Только в середине XVI в., после народных восстаний соборы созывались так часто. Затем опять их стали созывать лишь в связи с особыми военными обстоятельствами или смертью государей. Через несколько десятилетий, в XVII в., когда народ снова собирается на вечевые сходы и встает на защиту страны от чужеземцев и от своих поработителей, когда возникает живая связь между городами и областями, объединившимися в едином патриотическом порыве, опять приобретает особое значение «Совет всея земли» и правительство первого Романова снова вынуждено будет прибегать к соборной форме как к регулярному средству управления. И в середине «бунташного века» составлению Соборного Уложения 1649 г. предшествовали резкое обострение классовой борьбы, повсеместные восстания в городах, что дало даже повод патриарху Никону писать: «И то всем ведомо, что сбор (т. е. Собор.— С. Ш.) был не по воле, боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради»¹⁶¹. Таким образом, земские соборы, рожденные в пламени классовой борьбы, не столько продолжали вечевые традиции, сколько противостояли им.

Восстания низов заставили феодалов на время прекратить взаимную вражду и сплотиться для проведения политики, укрепляющей государственную власть. Ф. Энгельс писал о взаимоотношении сословий в Германии начала XVI в.: «Раскол всей нации на два больших лагеря... был при тогдашних условиях просто невозможен; он мог бы лишь приблизительно наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплуатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи»¹⁶². Это замечание Энгельса многое объясняет в истории России конца 1540 гг. В России как раз создалось в то время такое положение — восстания низшего слоя народа в городе и в деревне, широкое недовольство политикой правительства, — которое сделало возможным временную приблизительную консолидацию всех прослоек правящего класса феодалов.

Сплочение феодалов «от страху княже Юрьева Глиньского убийства»¹⁶³ привело постепенно к образованию правительства Избранной рады, осуществившего важнейшие государственные преобразования и внешнеполитические начинания (успешное завершение присоединения Поволжья) конца 1540—1550 гг.

Соборы середины XVI в. были созваны по инициативе сверху. Основная цель их — оградить феодалов от опасности народных движений, укрепить крепостническое государство, успешно завершить Казанскую войну. Одновременно правительство пыталось использовать соборы и для ослабления политического и экономического положения крупных феодалов — бояр.

Однако это происходило путем постепенного сближения прав и обязанностей различных прослоек светских феодалов, что в конечном счете было выгодно только дворянству. Соборы середины XVI в. и по составу участников и по программе и характеру своей деятельности как раз и являлись выразителями политики компромисса прослоек класса феодалов, которую проводила Избранная рада. Политику эту можно характеризовать как политику временного «примирения» прослоек класса феодалов. В этом плане и соборы середины XVI в., на которых ставились вопросы государственных преобразований, можно условно называть «соборами примирения».

Ни о каком «примирении» царя с народом или феодалов с народом на этих соборах, конечно, не может быть речи. Соборы середины XVI в. ничем не напоминали «непосредственного общения власти с народом», как изображали дело буржуазно-либеральные историки. Напротив, это был результат объединения сил господствующего класса для сопротивления требованиям народа, для подавления народа. В XVI в., как и в век абсолютизма, царь издавал законы, назначал чиновников, собирал и расходовал народные деньги «без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением»¹⁶⁴.

¹⁶¹ Н. Я. Новомбергский. К вопросу о внешней истории Соборного Уложения 1649 года. «Исторические записки», т. 21, стр. 43.

¹⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 7, стр. 358.

¹⁶³ ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 457.

¹⁶⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 243.

И цель созыва соборов середины XVI в., и содержание декларированных на них предложений и принятых ими постановлений, а состав участников убеждают в том что по природе они были чисто феодальными. Они были созданы и действовали в интересах феодалов¹⁶⁵.

В условиях приблизительного равновесия политических и экономических сил боярства и дворянства особое влияние приобрели церковные феодалы во главе с Макарием, а также приказная администрация (дьячество).

Вмешательству духовенства в правительственную деятельность, повышению идейного престижа церкви в государстве способствовало и ведение Казанской войны, лозунгом которой была борьба с «басурманством»¹⁶⁶.

1547—1548 гг., по наблюдениям С. М. Каштанова, были «моментом наивысшего расцвета монастырских иммунитетных прав»¹⁶⁷. Постановка на церковных соборах вопросов «земского строения» — нововведение времени Макария, акт прямого вмешательства церкви в светские дела, хотя и обставлено это было как поддержка высшим духовным авторитетом политики «примирения» светских феодалов между собой. Вполне основательно приписывают Макарию и инициативу установления внешних порядков земских соборов, их церемониальной стороны¹⁶⁸.

Мысль, что единение светской и духовной власти якобы символизировало тогда национальное единство страны и способствовало централизации Российского государства, не соответствует действительности: достаточно вспомнить энергичное и в целом успешное сопротивление Макария предложениям Ивана IV, внесенным на обсуждение Стоглавого собора. А решения по вопросам меньшей важности, регламентирующие подчас мельчайшие детали поведения и жизни русских людей, представляли собой реакционную попытку еще больше подчинить жизнь «духовной диктатуре церкви»¹⁶⁹. Попытка эта не содействовала развитию нашей страны, а только закрепляла ее государственную и культурную отсталость. Поэтому Р. Ю. Виппер и Н. С. Чаев вполне основательно сравнивают в этом плане деятельность Стоглавого собора с деятельностью современного ему Тридентского собора в Западной Европе¹⁷⁰.

Усилия митрополита Макария вершить государственными делами и подменять собой в отдельных случаях государя — кульминационный пункт политической истории русской церкви XVI в. После отдаления Макария от дел (середина 1550 гг.) духовенство, конечно, продолжало участвовать в расширенных собраниях феодалов во главе с царем, так как без санкции церкви нельзя было в то время принимать серьезные решения, но на церковных соборах, собиравшихся в XVI столетии все реже, «земские» вопросы уже не ставились и не разбирались, и церковные власти уже имели менее значительное влияние на правительственную деятельность — первостепенного значения успех в деле дальнейшей централизации страны.

Компромиссная политика правительства Избранной рады способствовала и усилению роли приказной администрации — думного дворянства и дьячества. Дьяки той поры оказываются тесно (часто и родственными узами) связанными и друг с другом и с придворной аристократией. Дьяческие должности становятся нередко наследственными. С оформлением в середине XVI в. приказной системы¹⁷¹ образуется по существу дьяческая корпорация, опираясь на которую царь мог чувствовать себя относительно независимым во взаимоотношениях с различными прослойками феодального класса. Виднейшие из дьяков входят в состав думного собора — основы соборов XVI в.

¹⁶⁵ Поэтому трудно принять тезис И. У. Будовница, будто уже на Стоглавом соборе Иван IV «выступал представителем интересов дворянства и посадских людей». И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.—Л., 1947, стр. 246.

¹⁶⁶ С. О. Шмидт. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549). «Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та», вып. 6, М., 1954, стр. 252—253.

¹⁶⁷ «Памятники русского права», вып. 4, стр. 155.

¹⁶⁸ Ю. В. Готье. Первые Земские соборы и их происхождение, стр. 60.

¹⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 476.

¹⁷⁰ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный, М., 1943, стр. 36—37; Н. С. Чаев. «Москва Третий Рим» в политической практике московского правительства XVI века. «Исторические записки», т. 17, стр. 16—17.

¹⁷¹ А. А. Зимин. О сложении приказной системы на Руси. «Докл. и сообщ. Ин-та ист. АН СССР», вып. 3, М., 1954.

Каково же историческое значение соборов середины XVI в.? Рассматривать их деятельность можно в двух планах: в плане событий политической истории России середины XVI в. и в плане истории развития таких государственных учреждений, как земские соборы.

Соборы середины XVI в. были ответом господствующего класса феодалов на взрыв классовой борьбы в городе и деревне. Это — типичное выражение политики компромисса различных прослоек внутри класса феодалов, проводимой в первые годы правления Избранной рады. Как и вся деятельность Избранной рады, соборы в конечном счете способствовали осуществлению «централизации, этого могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны»¹⁷².

Соборы положили начало большой творческой деятельности в области государственных преобразований. Однако осуществление важнейших из задуманных и декларированных реформ имело место уже в тот период, когда такие расширенные совещания, видимо, не созывались, — после «Казанского взятия» и удаления от правительственной деятельности Макария и некоторых других «епархов и синклитов».

Изучаемые соборы можно рассматривать как зачаточную форму земских соборов. Соборы середины XVI в. — это важный фактор организации власти централизованного государства, когда совет государя, состоявший преимущественно из наследственных советников, из князей и бояр, а также высшего духовенства, расширяется за счет представителей всех групп правящего феодального класса из всех земель Российского государства.

Степень близости соборов середины XVI в. с земскими соборами XVII в. пока определить трудно. Обязательное предварительное условие для сравнения — детальное изучение земских соборов конца XVI—XVII в., определение характера участия в них представителей разных общественных групп. Предположительно можно считать, что более всего напоминают земские соборы последующего времени соборы февраля — марта 1549 г. и лета 1550 г.

Дальнейшее выявление и обобщение фактов по истории совещаний соборной формы позволит конкретизировать наши представления о сословно-представительных учреждениях XVI в., об их связи с сословно-представительными учреждениями XVII в. и о их роли в государственной жизни своего времени.

¹⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 5, стр. 338.

